

Естественная история ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

МАРИ
БРЕННАН

Иллюстратор
Тодд Локвуд

LOCKWOOD

Номинация *Goodreads Choice Award* в категории «фэнтези» (2013)

Шорт-лист *World Fantasy Award* (2014)

Chesley Award за лучшую иллюстрацию на обложке (2014)

Естественная история драконов

Мари Бреннан

**Естественная история
драконов: Мемуары леди Трент**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бреннан М.

Естественная история драконов: Мемуары леди Трент /
М. Бреннан — «АСТ», 2013 — (Естественная история драконов)

ISBN 978-5-17-105706-0

Дорогой читатель! Считаю своим долгом предупредить вас, что чтение данной книги — занятие отнюдь не для слабонервных. По крайней мере, в той же степени, как и изучение самих драконов. С другой стороны, автор убежден, что подобные исследования сулят награду, с которой вряд ли сможет сравниться любая другая: даже краткий миг, с риском для жизни проведенный рядом с драконом, — это восторг, испытав который хоть раз в жизни, вы уже не сможете его забыть. А уж на мнение Изабеллы, леди Трент, в этом вполне можно положиться: весь мир от Ширландии и до самых отдаленных пределов Эриги знает ее как выдающегося натуралиста и самого известного драконоведа, выведшего исследование драконов из туманных дебрей мифологии и непонимания под ясный свет современной науки. Но до того как стать знаменитым ученым, леди Трент была всего лишь начитанной молодой женщиной, чья страсть к наукам, естествознанию и, разумеется, драконам, бросила вызов тягостному течению ее дней. И сейчас перед вами, пользуясь ее собственными словами, истинная история об изысканиях пытливого ума, который рисковал своей репутацией, перспективами и хрупкой человеческой плотью, дабы удовлетворить научное любопытство, о поисках настоящей любви и счастья вопреки собственной эксцентричности, и, разумеется, о захватывающей экспедиции в опасные горы Выштраны, во время которой леди Трент сделала первое из множества исторических открытий, навсегда изменивших мир.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-105706-0

© Бреннан М., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Предисловие	9
Часть первая,	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мари Бреннан

Естественная история

драконов. Мемуары леди Трент

Marie Brennan (author), Todd Lockwood (illustrator)

A NATURAL HISTORY OF DRAGONS

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Copyright © 2013 by Bryn Neuenschwander

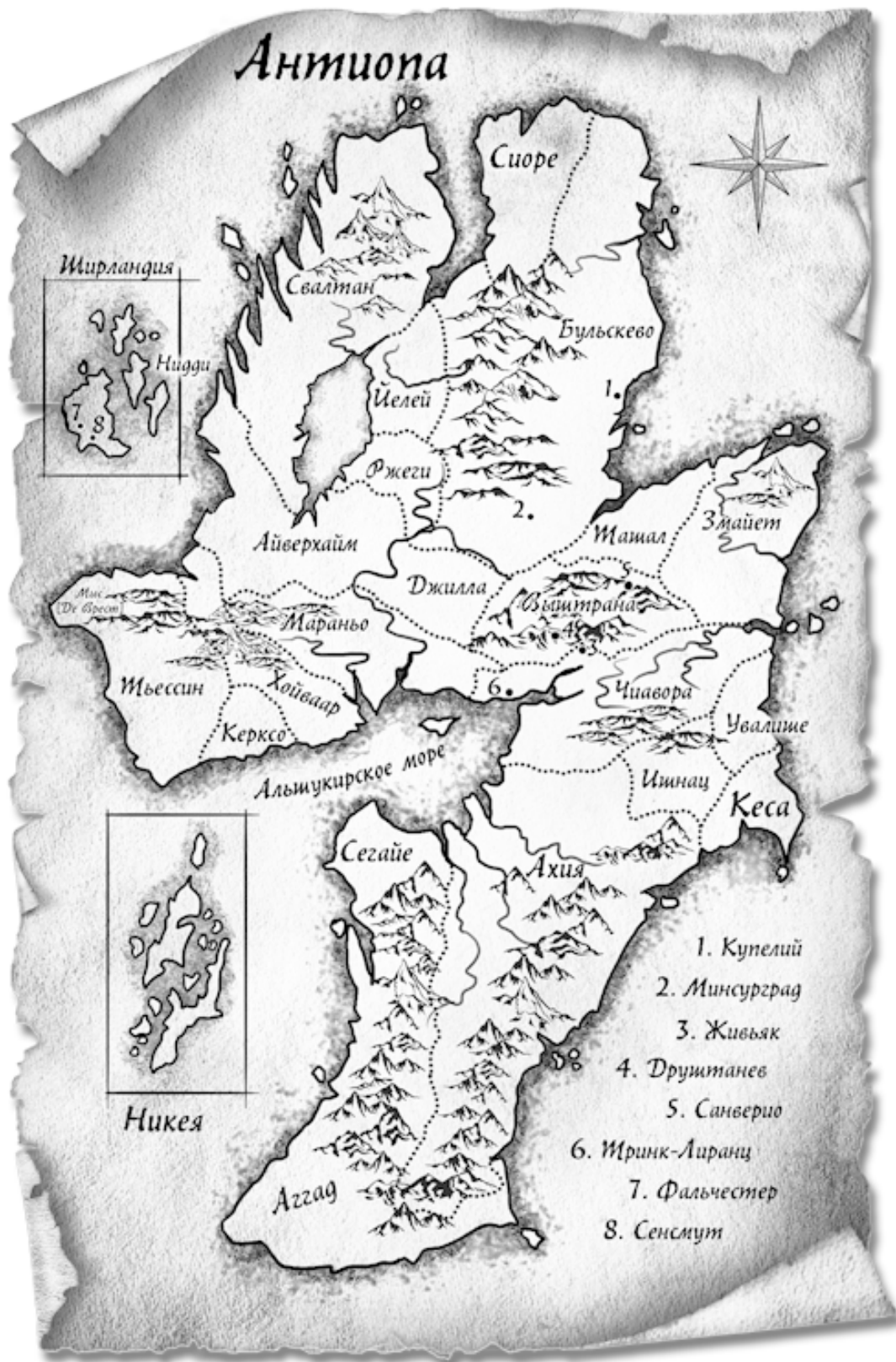
All rights reserved.

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

Предисловие

Не проходит и дня без того, чтобы почта не доставила мне по крайней мере одно письмо от юного (а порой и не столь уж юного) энтузиаста, желающего последовать по моим стопам и стать натуралистом-драконоведом. Конечно, в наши дни это вполне уважаемое научное поприще с университетскими курсами и научными обществами, выпускающими толстые тома, озаглавленные «Труды Общества содействия развитию того-то или сего-то». Однако те, кого интересует уважаемая сторона дела, посещают мои лекции. Те же, кто пишет мне, неизменно хотят подробнее узнать о моих приключениях – о побеге из плена в Мулинских болотах, о моей роли в великой Кеонгийской битве, или же (чаще всего) о полете к негостеприимным высотам Мритьяхаймских гор, единственному месту на земле, где могли быть раскрыты тайны драконьего рода.

Но даже самые упорные из моих корреспондентов не могут надеяться получить персональные ответы на все эти вопросы. Посему я приняла предложение господ Кэрригдона и Руджа опубликовать ряд мемуаров, отражающих самые интересные периоды моей жизни. В общем и целом они будут посвящены экспедициям, которые привели к открытиям, сделавшим меня столь знаменитой, однако не обойдется и без уклонений в иные материи – более занимательные, личные, или даже (да-да) скабрёзные. Одна из выгод положения дамы пожилой и, сверх того, именуемой «национальным достоянием»: мне мало кто может указывать, о чем писать можно, а о чем – нет.

Предупреждаю: на страницах моих мемуаров вас ждут обледенелые горы, зловонные трясины, враждебные чужеземцы, враждебные соотечественники, а порой – и враждебные члены семьи, губительные решения, роковые ошибки в выборе пути, болезни самого неромантического свойства и великое множество грязи. Вы продолжаете читать на свой страх и риск. Все это – не для слабых духом, как и само изучение драконов. Однако подобные научные изыскания вознаграждаются сторицей: оказаться рядом с драконом – пусть на кратчайший миг, пусть даже рискуя жизнью – этого наслаждения, раз испытал, невозможно забыть никогда. Если мои скромные слова смогут передать хоть малую частицу этого чудесного ощущения, я буду вполне удовлетворена.

Начать, конечно же, следует с начала всех начал – со времен, предшествовавших череде открытий и изобретений, что сделала мир таким, каким знаешь его ты, мой дорогой читатель. Этой-то древней, почти забытой ныне эпохе и принадлежат мое детство и скромное начало моей весьма нескромной карьеры – первая зарубежная экспедиция в горы Выштраны. Да, основные сведения об этой экспедиции давно общеизвестны, но я могу поведать о ней много больше, чем ты знал до сих пор, читатель.

*Изабелла, леди Трент
Касселтуэйт, Линшир,
11 флориса, 5658 г.*

**Часть первая,
в которой у мемуаристки формируется детское
увлечение драконами, и она изыскивает
возможность последовать этому увлечению**

Искровичок (в натуральную величину)

Глава 1

Изумрудик – Неприятный инцидент с голубем – Увлечение крыльями – Моя семья – Влияние сэра Ричарда Эджуорта

Когда мне было семь, я нашла на скамейке у опушки леса, начинавшегося на задах нашего сада, дохлого искровичка, которого не успел убрать садовник. В великом восторге я помчалась показывать находку матери, но к тому моменту, как я добралась до нее, искровичок рассыпался в прах у меня в ладонях. Мама вскрикнула от отвращения и отправила меня мыть руки.

Секрет сохранения искровичков после их смерти раскрыла мне наша кухарка, высокая и тощая женщина, готовившая, однако ж, изумительные супы и суфле (доказывая тем самым ложность расхожего мнения, будто тощему повару не следует доверять). Один такой стоял у нее на туалетном столике, и она принесла его показать мне, когда я явилась на кухню в нешуточном унынии после утраты искровичка и материнской кары.

– Как же тебе удалось сохранить его? – спросила я, утирая слезы. – Мой весь рассыпался на кусочки.

– Уксус, – ответила она.

Так одно-единственное слово указало мне путь, который и привел к моему нынешнему положению.

Найденный вскоре после гибели, искровичок (как, без сомнения, известно многим читателям этой книги) может быть сохранен путем бальзамирования в уксусе. Запихав в карман банку с уксусом, отчего юбка ужасно перекосилась, я устремилась в сад, на поиски. Первый же найденный искровичок в процессе бальзамирования лишился правого крыла, однако еще до конца недели я стала обладательницей совершенно целого экземпляра – искровичка полутора дюймов в длину, покрытого чешуей глубокого изумрудного оттенка. С безграничной детской находчивостью я назвала его Изумрудиком, и он, расправив крохотные крылья, сидит на одной из полок в моем кабинете по сей день.

В те дни я собирала не только искровичков. Я постоянно приносила в дом других насекомых (ведь в те времена искровичков классифицировали как вид насекомых, лишь внешне напоминающих драконов – что, как известно нам ныне, неверно) и множество разных разновидностей: необычные камни, оброненные птицами перья, фрагменты яичной скорлупы, всевозможные кости... Мама неизменно закатывала истерики по этому поводу, пока я не заключила со своей горничной договор: она никому ни слова не говорит о моих сокровищах, а я каждую неделю позволяю ей лишний час посидеть и дать отдых натруженным ногам. С тех пор мои коллекции, разложенные по сигарным ящичкам и тому подобным вместилищам, надежно хранились в моих шкафах, куда мать сроду не заглядывала.

Несомненно, некоторые склонности я приобрела, будучи единственной девочкой из шестерых детей. В окружении мальчишек, в уединенной усадьбе среди лесов и полей Тамшира, я искренне полагала, что разные любопытные вещи собирают все дети, вне зависимости от пола. Боюсь, все попытки матери переубедить меня не возымели почти никакого эффекта. Некоторые интересы я переняла от отца: как всякий джентльмен тех дней, он полагал своим долгом более-менее держаться в курсе последних достижений во всех областях знания: юриспруденции, богословия, экономики, естественной истории и так далее.

В остальном, как я полагаю, всему виной врожденное любопытство. Я могла подолгу просиживать на кухне (это не поощрялось, однако было дозволено – большей частью потому, что в это время я не шастала снаружи, пачкаясь и приводя в полную негодность платья) и задавать вопросы кухарке, разделывавшей цыплячьих тушек для супа.

– Зачем цыплятам эта кость-вилочка? – однажды спросила я.

Одна из судомоек отвечала тем самым дурацким тоном взрослого, обращающегося к ребенку:

– Чтобы загадывать желания! – живо сказала она, подавая мне уже высушенную вилочку. – Берешься за один конец и...

– Я знаю, что делаем с вилочками мы, – с нетерпением сказала я, весьма бестактно перебивая ее, – но цыплятам они нужны не для того, иначе цыпленок, конечно же, пожелал бы не попадать к нам в суп.

– Господи, дитя мое, я и не знаю, для чего она у них растет, – сказала кухарка. – Но кость эта есть у всякой птицы – у цыпленка, у индейки, у гуся, у фазана и у всех прочих.

Мысль о том, что эта черта присуща всем птицам, меня заинтриговала: раньше я никогда не задумывалась о подобных вещах. Вскоре любопытство привело меня к поступку, который по сей день вгоняет меня в краску. Нет, не сам поступок (с тех пор я делала то же самое множество раз – разве что в более скрупулезной, научной манере), но тот факт, что совершен он был тайком, да еще оказался крайне наивным.

Однажды, блуждая по саду, я нашла под живой изгородью дохлого голубя. Мне тут же вспомнились слова кухарки о том, что вилочка есть у любой птицы. Правда, голубей в ее перечне не значилось, но голубь ведь птица, не так ли? Возможно, сейчас мне удастся понять, для чего птицам эта кость, раз уж не удалось понять этого, наблюдая, как лакей разделяет жареного гуся за обедом?

Подобрав мертвого голубя, я спрятала его в стогу сена у амбара, прокралась в дом и без ведома Эндрю – брата, следующего за мной по старшинству, – стянула его перочинный нож. Вновь выбравшись наружу, я принялась за изучение голубя.

К делу я подошла если и не слишком разумно, то вполне организованно. Я видела, как судомойки по распоряжению кухарки ощипывают птицу, и поняла, что на первой стадии необходимо удалить перья. Задача оказалась намного труднее, грязнее и неприятнее, чем ожидалось, однако предоставила мне возможность рассмотреть, как очин пера входит в кожную сумку (этих слов я в то время не знала), а заодно увидеть разницу между перьями разных типов.

Когда птица была более или менее ощипана, я провела некоторое время, двигая ее крылья и лапы взад-вперед, наблюдая, как они действуют, и, честно говоря, собираясь с духом перед тем, что задумала сделать дальше. Наконец любопытство одержало верх над брезгливостью, я раскрыла перочинный нож брата, приставила его к птичьему брюху и сделала разрез.

Вонь оказалась невероятной (вспоминая об этом ныне, я не сомневаюсь, что проткнула кишечник), но увлеченность не прошла. Я осмотрела вывалившиеся наружу комки плоти, по большей части не понимая, что все это такое – ведь почки и печень я видела лишь на тарелке за едой. Однако мне удалось узнать кишечник и верно угадать сердце и легкие. Одолев брезгливость, я продолжила работу, снимая кожу, раздвигая мускулы и глядя, как все они соединены. Одну за другой я обнажила кости, дивясь изяществу скелета крыла и ширине грудной кости.

Едва обнаружив вилочку, я услышала крик за спиной и, обернувшись, увидела помощника конюха, в ужасе уставившегося на меня.

Он бросился бежать, а я принялась лихорадочно заметать следы, забрасывая расчлененную тушку голубя сеном, но была так расстроена, что в результате лишь перепачкалась пуще прежнего. К появлению мамы я вся была в крови, в ошметках голубиного мяса, в перьях и сене, не говоря уж об изрядном количестве слез.

Не стану утомлять читателей подробным описанием последовавшего за этим наказания: самые предприимчивые из вас, несомненно, подвергались подобным экзекуциям после собственных эскапад. В конце концов я оказалась в отцовском кабинете, посреди азиатского ковра, начисто вымытая и сгоравшая от стыда.

– Изабелла, – грозно сказал он, – что побудило тебя совершить такое?

С языка тут же хлынул поток слов. Я рассказала о найденном голубе, вновь и вновь заверяя отца, что нашла птицу уже мертвой, а вовсе не убивала ее, и о собственном любопытстве относительно вилочки – и говорила, и говорила, пока папá не встал из-за стола и не подошел ко мне. Опустившись передо мной на корточки, он положил мне руку на плечо и остановил мой рассказ.

– Ты хотела узнать, как устроена птица? – спросил он.

Я кивнула, не решаясь вновь заговорить, чтобы поток слов не продолжился с того же места, на котором был прерван.

Отец вздохнул.

– Юной леди не пристало вести себя подобным образом. Ты понимаешь это?

Я кивнула.

– Тогда убедимся, что ты будешь помнить это.

Развернув меня спиной к себе, он отвесил мне три крепких шлепка по заднему месту, что вызвало новый поток слез. Вновь взяв себя в руки, я обнаружила, что отец оставил меня успокаиваться и отошел к стене кабинета. Там, вдоль полок, тянулись плотные ряды книг – некоторые тома, пожалуй, весили не меньше, чем я. (Это, конечно же, было чистой игрой воображения: самая увесистая книга в моей библиотеке, моя собственная «*De draconum varietatibus*»¹, весит всего-навсего десять фунтов.)

Том, снятый отцом с полки, оказался много легче – разве что несколько толще книг, которые обыкновенно дают читать семилетним. Вложив книгу в мои руки, отец сказал:

– Полагаю, твоя госпожа мать не обрадуется, увидев тебя с этой книгой, но я считаю, что тебе лучше получать ответы на вопросы из книг, чем экспериментальным путем. Беги, да не показывай эту книгу матери.

Я сделала реверанс и помчалась к себе.

Подобно Изумруднику, подаренная отцом книга и сейчас стоит у меня на полке. Она оказалась «Анатомией пернатых» Готерхэма, и, хотя наши познания в этой области со времен Готерхэма значительно умножились, в то время послужила мне хорошим введением в тему. Из текста я поняла не более половины, но с жадностью проглотила то, что сумела понять, а над остальным крепко задумалась. Больше всего мне понравились схемы – тонкие детальные изображения скелетов и мускулатуры пернатых. Из этой книги я узнала, что функция вилочки (или, вернее, вилочковой кости) заключается в укреплении грудной части птичьего скелета, а кроме того на ней расположены точки крепления мускулов крыльев.

Все выглядело так просто, так очевидно: вилочка есть у всех птиц, потому что все птицы летают (в то время ни я, ни Готерхэм еще не знали о существовании страусов). Вряд ли это было выдающимся открытием в области натуральной истории, но для меня действительно оказалось гениальным озарением, открывшим передо мной мир, о котором я никогда прежде не задумывалась – мир, где, наблюдая общие принципы и то, чем они обусловлены, можно прийти к новому знанию, неочевидному для невооруженного глаза.

Итак, первым моим увлечением стали крылья. В те дни я еще не делала различий между их обладателями. Крылья могли принадлежать хоть голубю, хоть искровичку, хоть бабочке – главное, все эти существа умели летать и тем приводили меня в восхищение. Однако должна заметить: хотя предметом исследования мистера Готерхэма являлись птицы, время от времени он делал весьма интересные замечания, находя в птичьей анатомии или повадках сходства с драконьим родом. Поскольку (как я уже говорила) искровичков в то время классифицировали как вид насекомых, эту книгу можно считать моим первым знакомством с чудесным миром драконов.

---

¹ «Разновидности драконов» (лат.).

* * *

Здесь следует хотя бы мимоходом описать мою семью: без них я никогда не стала бы той, кем являюсь сейчас.

Думаю, некоторое впечатление о моей матери у вас уже сложилось. Она была честной и праведной представительницей своего сословия и приложила все старания к тому, чтоб научить меня быть настоящей леди, но невозможного не достичь никому. Изъяны в моем характере – вовсе не ее вина. Что до отца, деловые интересы часто заставляли его надолго отлучаться из дома; для меня он был человеком не столь близким и потому, пожалуй, более терпимым: он мог позволить себе роскошь смотреть на мои проступки как на очаровательные девичьи причуды, тогда как иметь дело с беспорядком и одеждой, уничтоженной в результате этих «причуд», приходилось матери. Я взирала на него, как дикарь на мелкого языческого божка – искренне стремясь заслужить его благоволение, но не вполне понимая, чем его умилостивить.

Что касается прочих родных – я была четвертой из шести детей в семье и притом, как уже говорила, единственной дочерью. Большинство братьев, как много бы они для меня ни значили, не представлены на страницах моего повествования: их жизни почти никак не связаны с моей карьерой.

Единственное исключение – уже упомянутый мною Эндрю; тот самый, у кого я стянула перочинный нож. Именно он чаще всех остальных с великой охотой участвовал во всех моих предприятиях, приводивших в отчаяние мать. Услышав о моих кровавых экспериментах за стогом сена, он был впечатлен, как может быть впечатлен лишь восьмилетний мальчишка, и настоял, чтобы я оставила нож себе – как трофей в память о своих свершениях. Нож тот у меня не сохранился. Да, он заслужил почетное место рядом с Изумрудиком и Готерхэмом, но был потерян в Мулинских болотах. Однако перед этим он спас мою жизнь, освободив меня от гибких стеблей, которыми связали меня похитители-лабанцы, и я навеки благодарна Эндрю за этот подарок.

Благодарна я ему и за то, что брат помогал мне в детские годы, используя мальчишеские привилегии в моих интересах. Когда отца не было в городе, Эндрю таскал для меня книги из его кабинета. Таким образом, труды, которые мне самой ни за что не позволили бы читать, находили путь в мою комнату. Я прятала их под матрасом или за гардеробом. Новую горничную приводила в ужас даже мысль о том, что ее могут застать отдыхающей, и на прежнюю сделку она не соглашалась, зато была падка на сладости. Заключив с ней новое соглашение, я нередко читала до поздней ночи.

Конечно, почти все книги, что приносил мне Эндрю, относились к естественной истории. Мои познания, начавшиеся с крылатых, охватили все виды животных – млекопитающих, рыб, насекомых и пресмыкающихся, а также всевозможные растения. В те дни наши знания еще имели столь общий характер, что один человек вполне мог ознакомиться с целой научной областью.

В некоторых из этих книг упоминались и драконы – правда, только в отступлениях, в кратких абзацах, не утолявших, но лишь усиливавших тягу к познанию. Но в нескольких местах мне встретились ссылки на обстоятельный научный труд – «Естественную историю драконов» сэра Ричарда Эджуорта. А Кэрригдон и Рудж, как выяснилось из их осеннего каталога, вскоре должны были выпустить его переиздание. Пойдя на отчаянный риск, я прокралась в отцовский кабинет с тем, чтобы оставить на его столе брошюрку каталога, открытую на странице, где объявлялось о переиздании. «Естественная история драконов» описывалась там как «незаменимое из собраний сведений о драконах, доступных на нашем языке»; конечно же, это не могло не привлечь внимания отца.

Моя уловка принесла плоды: со следующей же партией книг была получена и эта. Но заполучить ее немедленно было нельзя – Эндрю не осмелился бы стащить книгу, которую отец еще не прочел – и я едва не повредила умом от нетерпения. И вот в начале зимы Эндрю перехватил меня в коридоре, сунул мне книгу и сказал:

– Он закончил ее вчера. Смотри, чтоб тебя никто не поймал с ней!

Я направлялась в малую гостиную на еженедельный урок игры на фортепьяно и, вернувшись к себе, опоздала бы к началу. Вместо этого я поспешила в гостиную и успела спрятать книгу под диванными подушками за миг до появления учителя. Я приветствовала его лучшим из своих реверансов и весь урок изо всех сил старалась не оглядываться на диван: казалось, неп прочитанная книга под подушками так и дразнит, так и влечет к себе... (Я бы сказала, что игра моя сильно пострадала из-за этого, но нечто столь ужасающее трудно чем-либо испортить. Конечно, я люблю музыку, но и по сей день ни за что не смогу повторить самый несложный мотив.)

Домучив урок, я тут же уселась за книгу и читала, отрываясь лишь затем, чтобы прятать ее при необходимости. Понимаю, в наши дни она уже не пользуется такой широкой известностью, уступив место другим, более подробным и детальным трудам, и читателю нелегко представить себе, сколь чудесной казалась она мне в те дни. Эджуортовы критерии идентификации «драконов настоящих» многим из нас послужили прекрасной отправной точкой, а его перечень соответствующих этим критериям видов впечатляет еще и потому, что сведения о них получены не из собственных наблюдений, а из переписки с миссионерами и купцами. Обращался он и к теме «малых драконов», а именно – таких животных, как, например, виверны, не соответствующих тому или иному критерию, но являющихся (согласно теориям того времени) ветвями того же родового древа.

Влияние, оказанное на меня этой книгой, легко описать, всего лишь упомянув, что я перечла ее четыре раза кряду – одного раза, конечно же, было мало. Как другие девочки моего возраста сходили с ума по лошадям и скачкам, так я сходила с ума по драконам. Эта фраза прекрасно описывает положение дел, так как все это привело не только к выбору главного дела моей взрослой жизни (не раз и не два толкавшего меня на поступки, которые вполне можно считать безумными), но и к поступку, совершенному мной вскоре после четырнадцатого дня рождения.

Глава 2

Шантаж – Глупая неосторожность – Еще более неприятный инцидент с волкодраком – Возможная утрата открытых платьев

В те дни мы знали о драконах возмутительно мало: в Ширландии «драконы настоящие» не водились, и наши ученые только начинали устремлять свои взоры за границу. Однако я владела всеми доступными сведениями о тех меньших братьях драконов, что все еще встречались в наших землях, и ни родительская власть, ни все богатства мира не заставили бы меня отказаться от возможности лично узнать о них нечто новое.

Можете себе представить, какой интерес пробудили во мне вести, что в наших владениях – причем не единожды и разными очевидцами – замечен успевший уже задрать несколько овец волкодрак! Название это, конечно, крайне далеко от жизни: волкодраки ничем не похожи на волков, кроме склонности видеть в домашнем скоте свою законную добычу. Ныне их почти не осталось в Ширландии, да и в те времена встречались они редко – в наших краях не видели ни единого уже целое поколение.

Как же я могла упустить такой шанс?

Но для начала следовало изобрести способ самой увидеть этого зверя. Папá, едва услышав о волкодраке, немедленно взялся за организацию охоты, как поступил бы в случае появления поблизости вредоносного волка. Однако, прямо испросив разрешения отправиться на охоту с ним (как без малейшего успеха сделал Эндрю), я наверняка получила бы отказ. Здравый смысл подсказывал, что искать волкодрака в одиночку – занятие либо бесплодное, либо крайне опасное. Таким образом, чтобы добиться желаемого, следовало приложить более серьезные усилия.

Заслуга – или вина – в том, что произошло дальше, по крайней мере, частично принадлежит Аманде Льюис. Ее семья была нашими ближайшими соседями в годы моей юности. Мой отец с мистером Льюисом были добрыми друзьями, однако не могу сказать того же о матери и миссис Льюис. Это создавало некоторую напряженность, когда светские мероприятия сводили нас всех вместе – особенно если учесть отрицательное отношение мамá к их дочери.

На год старше меня, Аманда была единственной девочкой моего возраста и положения на всю долину Там-ривер. К бесконечному сожалению моей матери, она к тому же была из тех, кого современная молодежь называет «бабочками» – то есть слепо следовала моде, забывая о всяких приличиях. (Сама я к «бабочкам» никогда не относилась – все мои неприличные поступки решительно никак не были связаны с модой.) Но, поскольку общаться мне больше было не с кем, мамá не могла запретить мне навещать Льюисов, и Аманда была моей ближайшей подругой, пока обе мы не вышли замуж.

В тот день, когда мы узнали о появлении волкодрака, я прошла пешком две мили до усадьбы Льюисов, чтобы поделиться новостью с Амандой, и моя ситуация тут же воспламенила ее богатое воображение. Прижав к груди книгу, Аманда восхищенно вздохнула, проказливо сверкнула глазами и сказала:

– Дело проще простого! Ты должна переодеться мальчиком и ехать с ними!

Дабы вы не подумали, что я порочу имя подруги детства, объявляя ее виновной в последующем инциденте, смею заверить: именно я, а вовсе не она, нашла способ претворить ее идею в жизнь. Хвататься за идеи, которые другой счел бы безумными и не принял всерьез, и воплощать их на практике – зачастую весьма организованным и разумным образом – это вполне в моем духе. (Нет, я этим не горжусь. Признаюсь честно: эта дурацкая манера не однажды едва

не привела меня к гибели. Если вам не понять того, что муж называл «моей ненормальной практичностью», почти вся моя жизнь покажется вам напрочь лишенной здравого смысла.)

Итак, идея Аманды послужила искрой, а трут и растопка, чтобы разжечь из искры пламя, были от начала до конца делом моих рук. Вот как все это случилось.

Возле усадьбы крутилось несколько парней, от случая к случаю выполнявших разные работы – в основном, на дворе. Близких отношений у меня с ними не было, но один из них, по имени Джим, был у меня на крючке. Однажды я случайно наткнулась на него в весьма компрометирующих обстоятельствах – в обществе одной из служанок с нижнего этажа. Сама я шла прятать любопытный маленький череп, который не сумела опознать, но череп был надежно укрыт в складках юбок, и о моих собственных компрометирующих обстоятельствах Джим ничего не узнал. Таким образом, он задолжал мне услугу, и я решила, что пришло время взыскать этот долг.

Притащить меня с собой на охоту, конечно же, было преступлением, за которое его тут же выставили бы вон без рекомендаций. Однако я могла бы добиться того же результата, рассказав о его интрижке со служанкой, и, хоть никогда не сделала бы этого, сумела убедить его, что сделаю. Вы подумаете, что это просто ужасно, и сейчас я краснею, вспоминая об этом шантаже, но не стану притворяться, будто в то время испытывала хоть какие-то угрызения совести. Джим, настаивала я, должен взять меня с собой на охоту.

Вот тут-то мне и сослужила добрую службу прохлада в отношениях между матерью и миссис Льюис. Аманда сообщила мамá, что приглашает меня погостить у нее с тем, чтоб вернуться на следующее утро, и мамá, не горя желанием общаться с соседкой, дала позволение без лишних вопросов. Далее, утром, на которое было назначено начало охоты, Аманда подъехала к нашей усадьбе в сопровождении лакея, чтобы все выглядело так, будто я действительно собираюсь погостить пару дней в ее доме.

Немного отъехав по дороге, мы осадил лошадей и я, под озадаченным взглядом лакея, склонила к подруге голову:

– Спасибо, Аманда.

В глазах ее плясали чертики.

– Ты обязательно должна после рассказать мне обо всем!

– Конечно, – ответила я, зная, что моя история надоест ей еще до того, как я дойду до середины, если только во время охоты я не ухитрюсь пережить волнующего романтического приключения. Любимым чтением Аманды были захватывающие романы, а вовсе не книги по естественной истории.

Я оставила ее разбираться с лакеем любыми методами, которые она сочтет подходящими, и окольными путями добралась до поля, где собирались охотники. Джим, как и было уговорено, ждал меня у родничка, укрытого зарослями от посторонних глаз.

– Я сказал, что вы мой двоюродный брат, гостящий у нас, – сообщил он, подавая мне стопку одежды. – Там у них просто сумасшедший дом – люди съезжаются отовсюду. Если и вы присоединитесь, это никого не удивит.

– Момент, сейчас буду готова, – ответила я, отойдя туда, где он не мог меня видеть.

Постоянно оглядываясь на случай, если ему вздумается пойти за мной, я переделалась из собственного платья для верховой езды в куда более простую и грубую мальчишескую одежду, принесенную Джимом. (Должна сказать, словами не выразить, как это было дико и непривычно – впервые в жизни надеть штаны. Я чувствовала себя наполовину голой. С тех пор мне много раз доводилось носить их – штаны куда практичнее для погонь за драконами, чем юбки, – но, чтобы привыкнуть к ним, потребовалось много лет.)

Нужно отдать Джиму должное: он покраснел, увидев меня одетой столь скандальным образом. Он был хорошим добропорядочным парнем. Но он помог мне убрать волосы под

шляпу, и я решила, что в таком виде вполне сойду за мальчишку. В те дни я еще росла – длинные руки, голенастые ноги и ни намека на бедра и грудь.

(И отчего, спрошу я вас, моему редактору жаловаться на такие слова, когда я написала не одну и не две книги, описывающие анатомию и размножение драконов в куда более прямых выражениях? Предвижу: он захочет убрать из текста эти слова, но я не позволю. Все же у моего возраста и положения есть свои преимущества.)

Но самым неожиданным в то утро оказалось ружье, поданное мне Джимом.

– Вы не умеете стрелять, верно? – спросил он, увидев выражение моего лица.

– А разве должна?

Ответ мой прозвучал, пожалуй, резче, чем Джим того заслуживал. В конце концов, я сама настояла на том, чтобы переодеться в мальчишеское платье. После этого строить из себя оскорбленную леди было просто нечестно.

Он принял это как должное.

– Ладно, здесь все просто: прижимаете приклад к плечу, нацеливаете дуло туда, куда...

Голос его смолк. Подозреваю, он, как и я, представил себе возможные последствия моего выстрела посреди хаоса охоты.

– Давай просто не будем его заряжать, хорошо? – предложила я.

– Да, лучше не стоит, – согласился он.

Вот так я и поехала охотиться на волкодрака – переодетая мальчишкой, со спрятанными под шляпу волосами, с незаряженным ружьем в руке, верхом на моей кобыле Босси, которую с ног до головы натерли пылью, чтобы замаскировать ее лоснящуюся шкуру. Несмотря на все усилия папá, Джим был абсолютно прав, помянув сумасшедший дом: людей собралось так много, что навести порядок не представлялось возможным. Что делать – никому не хотелось упускать шанс поохотиться на волкодрака.

День выдался превосходным, и по пути я едва сдерживала волнение. Места, где видели волкодрака, находились не так уж далеко от нашей усадьбы, поэтому-то папá и поспешил устроить охоту, но и это невеликое расстояние еще следовало преодолеть.

Большая часть наших владений представляла собой каменистые неровные земли, лучше всего подходящие для разведения овец. В долине Там-ривер у нас имелось несколько фермеров-арендаторов, а усадьба находилась прямо на северном краю долины. Если скакать на восток или на запад, дорога была бы ровнее, но наш путь вел на север, где склон шел вверх и очень скоро становился настолько крут, что его не стоило и расчищать. Здесь правили бал сосны, в тени которых, как говорили, и прятался волкодрак.

Я неотвязно, точно репей, следовала за Джимом и изображала застенчивость, чтобы избежать лишних вопросов. Я опасалась, что меня выдаст голос – даже в образе безбородого мальчишки. Тут меня выручал Джим, тараторивший так, что никто и слова вставить не успевал. Хотя, возможно, причиной всему было волнение: причин для тревоги у него имелось предостаточно.

Вскоре после полудня мы достигли северного леса, и здесь предводители начали организовывать охоту.

– Скорее, едем к Симпкину, – сказала я, подталкивая Джима прочь от отца и других мужчин, которые могли бы узнать меня.

Из обрывков подслушанных разговоров выяснилось, что приготовления к охоте были начаты вовсе не сегодня. Мы собрались с подветренной стороны от рощи, откуда явственно несло падалью. Видимо, егеря папá стаскивали туда трупы животных не один день, чтобы заманить волкодрака в заранее намеченное место. Несколько храбрецов еще с утра выехали вперед, осмотрели рощу и по ряду примет обнаружили, что зверь там.

То, что последовало далее, показалось мне, не имеющей никакого понятия об охоте, сплошной сумятицей. Охотники держали на поводках волкодавов и мастифов; намордники не

позволяли псам залаять и выдать наше появление. Казалось, им очень беспокойно: приученные без страха охотиться на волков, собаки артачились, упирались, не желая связываться с драконом. Однако пинки и понукания сделали свое дело, и собак вывели на позиции – на них, как я поняла, было задумано гнать волкодрака. Вдали от роши выстроились полукругом местные крестьяне с незажженными факелами наготове. Когда придет время, они должны были зажечь огни и двинуться к укрытию зверя, побуждая того бежать.

По крайней мере, таков был план. Волкодрак – зверь хитрый, и уверенности в том, что он окажет нам любезность побежать прямо в западню, быть не могло. Поэтому в других местах вокруг роши были расставлены отряды верховых, включая и нас с Джимом: нам предстояла погоня за зверем, если он вырвется из окружения.

Да-да, мой дальновидный читатель, ты абсолютно прав: не стоило бы и упоминать, что это было последней стадией охоты, прошедшей согласно плану.

Впервые увидев волкодрака, я даже не смогла разглядеть его: зверь вырвался из-за деревьев яростным вихрем. Не знаю, что в тот момент собирались сделать собаки, но, что бы то ни было, им попросту не представилось такой возможности: дракон налетел на них слишком быстро.

Зверь этот уже в те времена встречался так редко, что охотники недооценили рассказы о его проворстве. Волкодрак прыгнул на одного из мастифов, в воздух взметнулся фонтан крови. Прочие псы замешкались, прежде чем кинуться в бой, и их промедление свело на нет все наши хитроумные планы. Волкодрак вырвался из кольца охотников, и мы устремились в погоню.

Я с детства была хорошей наездницей: в те дни среди провинциальных джентри² было принято учить дочерей ездить верхом – и в дамском седле, и по-мужски. Однако прогулки верхом на Босси вокруг фамильных владений не шли ни в какое сравнение с этой погоней!

Джим пустил свою лошадь вскачь, и моя инстинктивно устремилась следом, не желая (подобно всем лошадям) оставаться в одиночестве. Мы понеслись галопом по каменистому склону со скоростью, намного превышавшей ту, которую мама полагала безопасной. Волкодрак намного опережал нас и успел уйти довольно далеко, и только благодаря смекалке местных крестьян не сумел сбежать окончательно. Запалив факелы, они преградили ему путь и заставили отклониться к югу, а мы кинулись ему наперерез.

Собаки неслись вперед так, точно жаждали отомстить за смерть собрата; волкодавы вырвались далеко вперед. Псы кидались на волкодрака то слева, то справа, вокруг трубили охотничьи рога, созывая отряды всадников к добыче. Но в самом скором времени мы достигли еще одного участка леса, и я поняла, отчего приманка была заложена в одиноко стоявшей рошице: в большом лесу отыскать и изловить дракона было бы много труднее.

Несмотря на все старания охотников и собак, зверю удалось укрыться в лесу. Один из егерей папá, парень с таким же каменным, как окружавшие нас холмы, лицом, сплюнул на землю, и мне пришлось напоминать себе о том, что он не знает о присутствии дамы.

– Теперь уж так шустро не побегаешь, – сказал он, вглядываясь в сумрак, в котором скрылся зверь. – Вот только потратим чертову прорву времени, чтобы выкурить его оттуда.

Впервые после начала погони у нас появилась возможность перевести дух. Некоторые из мужчин начали перебрасываться короткими, малопонятными фразами. Из их разговоров мне удалось извлечь лишь одно: теперь мы собираемся прибегнуть к другим охотничьим приемам, используемым в охоте на кабана. Об этом я знала не больше, чем об охоте на волков, и все это мне ни о чем не говорило, но тут волкодавов отозвали назад и привели мастифов. Теперь ситуация требовала не столько быстроты, сколько силы.

Сосны в этом месте были стары и так высоки, что под их ветвями зачастую можно было проехать верхом, не нагибаясь. Укрытая толстым ковром пожелтевшей хвои, земля под копы-

---

² Нетитулованное мелкопоместное дворянство.

тами лошадей казалась поразительно голой – другие растения могли расти только там, где упавшие сосны оставляли в лесном пологе бреши. Вскоре я потеряла из виду большую часть охотников, но Джим оставался со мной, а по обе стороны от нас ехали остальные всадники из нашего отряда. Судя по крикам и звукам рогов, доносившимся из-за деревьев, волкодрака еще не нашли.

Вдруг – яростный лай... И тишина.

Мы остановились – хотя бы затем, чтобы понять, куда двигаться, так как путь нам преградили густые кусты впереди. Я взглянула на Джима, и он повернулся ко мне.

– Я должен доставить вас домой, мисс, – прошептал он, будто опасаясь, что кто-нибудь может услышать, хотя поблизости не было никого. – Здесь становится опасно.

В первый раз я почувствовала, что готова с этим согласиться. Ведь главной целью было собственными глазами увидеть дракона, и лучше живого, а не мертвый охотничий трофей, но теперь я поняла, как мало на это шансов. Вполне могло оказаться, что яростный вихрь, растерзавший одного из псов – лучшее, что мне удастся увидеть за весь день.

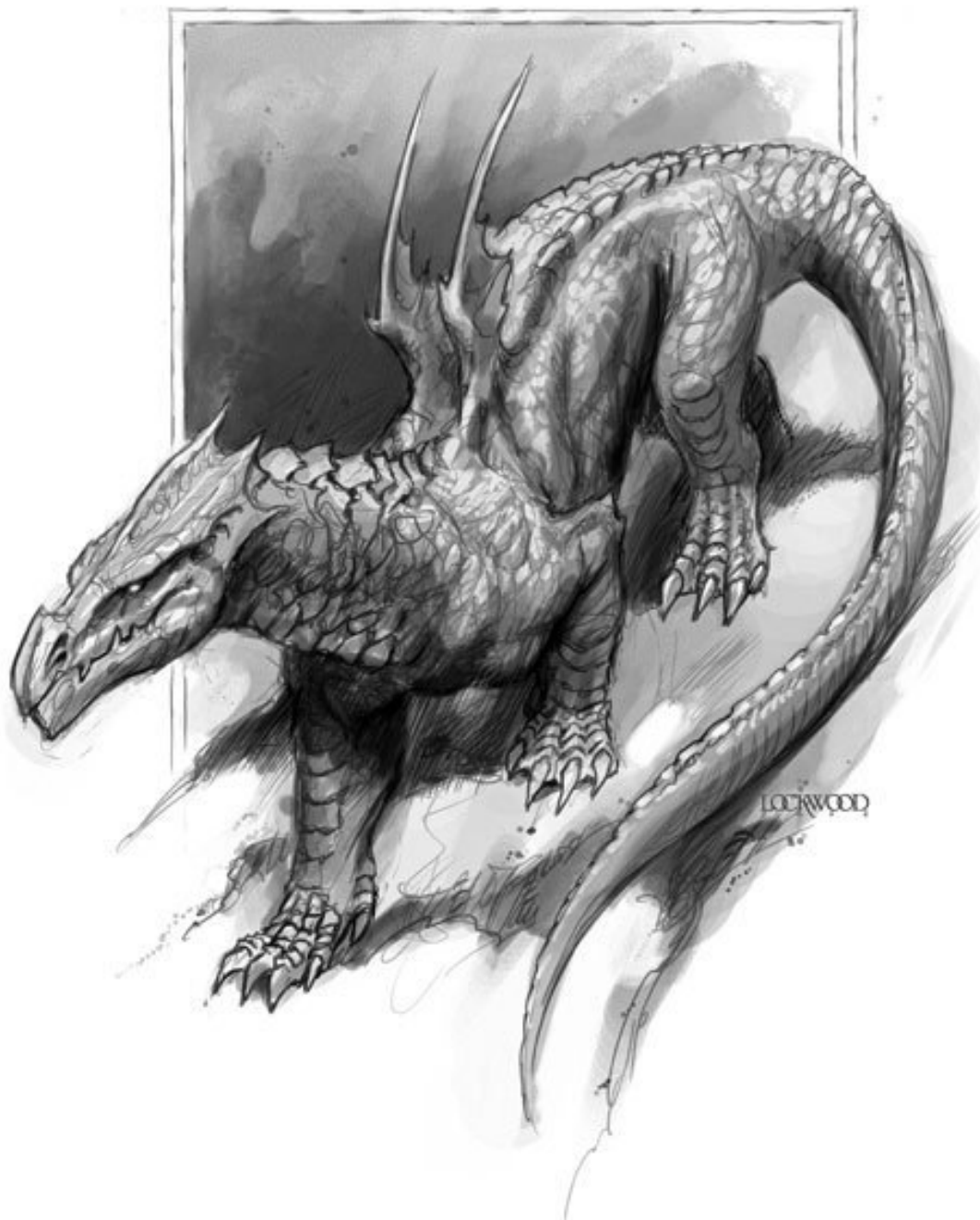
Задумавшись над этим, я замешкалась, и вдруг Джим закричал и направил свою лошадь прямо на меня.

Босси вскинулась на дыбы, пронзительно заржала от ужаса, покачнулась, сбросила меня с седла и рухнула рядом, чудом не придавив мою ногу. Удар о землю вышиб из меня дух. Я завозилась в опавшей хвое, пытаясь сесть, и тут Джим издал странный жалобный стон, какого я никогда прежде не слышала.

Однако внимание мое привлек другой звук – протяжный, низкий рык.

В тех краях, где волкодраки до сих пор водятся в изобилии, всем известно, что этот зверь предпочитает добычу женского пола. К несчастью, у нас об этой детали успели забыть, а сэр Ричард Эджуорт не упомянул о ней в своем замечательном во всех иных отношениях труде.

Подняв взгляд, я увидела волкодрака. Он сидел на высоком камне, подобравшись перед прыжком. Тускло-коричневый цвет его чешуйчатой кожи прекрасно совпадал с оттенками окружающей местности, глаза горели жутким кровавым багрянцем. Короткие мощные лапы, острые, точно косы, когти, длинное тело... Гибкий хвост зверя гипнотически покачивался из стороны в сторону, точно хвост кошки, приготовившейся к прыжку. Крохотные рудиментарные крылышки за плечами волкодрака приподнялись и опустились вновь.

Волкодрак

Я не могла отвести от него взгляда. Правая рука слепо зашарила в сосновых иглах в поисках оброненного ружья, но ружья рядом не оказалось. От страха перехватило горло. Сжавшиеся когти волкодрака заскрежетали о камень. Я вытянула левую руку – еще, еще... Вот оно! Пальцы сомкнулись на ружейном прикладе. Я подтащила ружье к себе и подняла его, как делали мужчины-охотники. Волкодрак напряжился, и стоило мне направить ствол на него, прыгнул ко мне. Только нажав на спуск, я вспомнила, что мое ружье не заряжено...

В ушах зазвенело от оглушительного грохота. Волкодрак приземлился сбоку от меня, когти его прошли сквозь ткань рубашки и мое плечо легко, будто нож сквозь масло.

Я завизжала и откатилась в сторону, вновь выронив ружье – должно быть, ружье Джима, так как оно, без сомнения, было заряжено. Что же случилось с Джимом?

Волкодрак, куда более ловкий, чем могло показаться с виду, уже разворачивался ко мне. Шкура зверя окрасилась кровью – мой выстрел задел его вскользь, – но он был еще далеко не побежден.

Здесь следовало бы написать что-нибудь героическое, но, если быть честной, подумалось мне вот что: «За этим ты явилась сюда, и это – последнее, что ты увидишь в жизни».

Тут прогремели новые выстрелы – на сей раз не над самым ухом, но все же достаточно громкие, чтобы я снова взвизгнула и съежилась в комок, в ужасе от того, что пуля может угодить в меня, или волкодрак прыгнет снова, и я, так или иначе, умру.

Но вместо этого я услышала яростный рык, отчаянное лошадиное ржание, крики охотников, звуки рогов, а несколько мгновений спустя – тот самый благословенный сигнал. Я тут же узнала его: так трубили в рог, возвращаясь домой с удачной охоты: «добыча наша».

Меня окружили, и я выпрямилась, только теперь осознав, что в пылу борьбы потеряла шляпу, и волосы выбились из-под ленты, стягивавшей их на макушке. Темно-русые пряди торчали во все стороны, развеваясь, как знамена, словно объявляя во всеуслышание: «Эй! Смотрите! Девчонка!».

Примерно это я и услышала от обступивших меня мужчин (если опустить множество ругани).

Новые крики – и вскоре появился отец. Остановившись передо мной, он в ужасе взглянул на меня – мелкий языческий божок, потрясенный поступком подопечной. Я молча смотрела на него. Думаю, именно в этот момент все вокруг начало расплываться перед глазами – сказывалось перенесенное потрясение. Папá поднял меня, и я спросила, что с Джимом, но мне никто не ответил. Вскоре мы оба оказались на коне папá. Держа меня на руках, отец выехал из леса и направил коня по каменистому склону, в сторону пастушьей хижины.

Охотников сопровождал врач, чьей обязанностью было оказывать помощь раненым людям и собакам; он прибыл в пастушью хижину следом за нами. Однако я оказалась не первой его пациенткой. С противоположной стороны комнаты слышались стоны Джима, но из-за людей, сгрудившихся вокруг, его было не разглядеть.

– Не трогайте его, – сказала я неизвестно кому, хотя умом и понимала, что врач пытается помочь ему. – Он не виноват. Это я его заставила. Он защищал меня; он заслонил меня от волкодрака...

О последнем обстоятельстве я догадалась задним числом.

Раны, полученные Джимом из-за его героического поступка, послужили одной из двух причин, уберегших его от позорного изгнания. Второй – хоть мне тут мало чем можно гордиться – оказалась моя неустанная защита. Я вновь и вновь настаивала на том, что он ни в чем не виноват. Боюсь, охваченная запоздалым чувством вины, я продолжала назойливо твердить об этом даже после того, как отец согласился не прогонять его.

Но все это произошло позже. Покончив с Джимом, врач взялся за меня и выставил из хижины всех, кроме отца и спящего Джима: у меня было повреждено плечо, и оголять его в присутствии посторонних было неприлично. (Я сочла это глупостью: даже в те времена юные леди носили платья, открывавшие плечи как раз настолько, сколько требовалось для оказания помощи.)

Мне дали выпить бренди, которого я никогда прежде не пробовала, и от жгучего напитка у меня глаза едва не вылезли из орбит. Однако меня заставили выпить еще, а решив, что выпитого достаточно, вылили немного на раны – для дезинфекции. От боли я вскрикнула и заплакала, но, благодаря бренди, не устыдилась собственных слез. К тому времени, как врач начал накладывать швы, я вообще не замечала почти ничего вокруг. Слышала только, как врач негромко сказал папá:

– Когти были остры, поэтому мышцы повреждены не слишком опасно. А она молода и сильна. Если не случится заражения, рана прекрасно заживет.

Отяжелевшими, непослушными губами я проямлила что-то о том, как хочу носить платья с открытыми плечами, но, кажется, слов моих никто не разобрал. Вскоре меня одолел сон.

* * *

Конечно, мамá была очень расстроена моей выходкой, но расспрашивать меня сразу по возвращении никто не стал, рассудив, что после всех пережитых мытарств мне необходим покой. Это вряд ли можно было счесть милосердным: таким образом, мне предоставили долгие часы для раздумий о том, что я услышу, когда настанет время. Возможно, у меня не столь богатое воображение, как у Аманды, но и его было вполне достаточно.

Когда мне, наконец (через два дня после того, как я сочла себя готовой к этому), разрешили встать с постели, надеть халат и выйти в мою гостиную, я обнаружила, что там меня ожидает папá.

К этому я была готова: лишние два дня на раздумья имели не только недостатки, но и некоторые преимущества.

– Как себя чувствует Джим? – спросила я, прежде чем папá успел раскрыть рот: о Джиме мне до сих пор никто не сказал ни слова.

Морщины в густой бороде, возле уголков отцовского рта, сделались глубже.

– Поправляется. Хотя ранен он был очень серьезно.

– Мне очень жаль, – совершенно искренне сказала я. – Если бы не он, я могла бы погибнуть. Он не виноват в том, что я оказалась там, ты ведь знаешь.

Папá вздохнул и знаком велел мне сесть. Решив, что тет-а-тет на указанном им диванчике я буду выглядеть так, будто вот-вот лишусь чувств, я предпочла устроиться в кресле.

– Я знаю, – откликнулся отец с бесконечной усталостью в голосе. – Начать хотя бы с того, что эта безумная идея никак не могла принадлежать ему. Конечно, ему следовало отказаться и доложить обо всем мне...

– Я бы не позволила, – перебила я, горя желанием пострадать за правду. – Он ни в чем...

– Не виноват, я знаю. Ты уже много раз говорила об этом.

Мне хватило ума закрыть рот и прекратить спорить.

Папá снова вздохнул, задумчиво глядя на меня. Было позднее утро, лучи солнца, падая в окно, озаряли все розочки на обоях и обивке мебели, и строгий серый костюм отца выглядел среди них ужасно неуместно. Я и припомнить не могла, когда он заходил в мою гостиную в последний раз – если вообще когда-либо заходил.

– Что же мне делать с тобой, Изабелла? – спросил он.

Я склонила голову и постаралась принять как можно более кроткий вид.

– Могу вообразить, что за историю ты рассказала бы мне, будь у тебя возможность. Тебе хотелось увидеть волкодрака, так? И лучше живого, чем мертвого и безобидного. Полагаю, в этом я должен винить сэра Ричарда Эджуорта.

Голова моя вскинулась сама собой. Что же это – все мои прегрешения у меня на лбу написаны?

Отец кивнул.

– О, я слежу за своей библиотекой внимательнее, чем ты думаешь. Вначале каталог, заботливо раскрытый на нужной странице, затем одна из книг собирает куда меньше пыли, чем остальные. Твою мать это навело бы на мысль, что горничную нужно немедленно выгнать в зашей, но я не возражаю против пыли. Особенно если эта пыль предупреждает меня о тайных деяниях дочери.

При этих словах глаза мои отчего-то наполнились слезами, как будто шарить тайком в отцовской библиотеке было еще худшим прегрешением, чем эскапада с волкодраком. К огорчениям мамá мне было не привыкать, но разочарование отца оказалось невыносимым.

– Простите, папá.

Пауза затянулась. Я просто сгорала от стыда, представляя себе, сколько служанок и горничных подслушивают сейчас под дверью.

Наконец папá выпрямился и взглянул мне в глаза.

– Я должен думать о твоём будущем, Изабелла, – сказал он. – И ты сама – тоже. Ты не навсегда останешься девочкой. Через несколько лет мы должны будем подыскать тебе мужа, а это будет очень нелегко, если ты продолжишь навлекать на себя всевозможные беды. Понимаешь?

Ни одному джентльмену не нужна жена, сплошь покрытая шрамами, полученными в столкновениях с опасными зверями. Ни один джентльмен не возьмет в жены женщину, которая станет позором для него. Ни один джентльмен не женится на мне, если я буду продолжать в том же духе...

В порыве отчаянной непокорности мне захотелось сказать отцу, что лучше я проживу всю жизнь в старых девах, и будь оно все проклято. (Да, именно в таких выражениях и подумала – по-вашему, четырнадцатилетние девочки никогда в жизни не слышали, как ругаются мужчины?) Мне велели отказаться от того, что я любила всей душой. Почему я должна отказываться от всего этого ради какого-то мужчины, который взвалит на меня ведение хозяйства и прочие материи, скучные и пресные, как овсянка?

Но я была не настолько лишена здравого смысла, чтобы не понять: моя непокорность не принесет радости ни мне, ни кому-либо еще. Просто потому, что так уж устроен мир.

По крайней мере, так казалось мне в почтенном мудром возрасте четырнадцати лет.

Поэтому я сжала губы, собралась с силами... Раненое плечо под бинтами отозвалось внезапной болью.

– Да, папá, – ответила я. – Я понимаю.

Глава 3

Серые годы – Лошади и рисование – Мой Сезон и шесть имен – Королевский зверинец – Неловкая беседа в оном – Перспективы дружбы – Сезон продолжается – Еще одна неловкая беседа с хорошими результатами

Избавлю вас от длинного описания двух следующих лет. Довольно будет сказать, что с тех пор я называла их не иначе, как «серые годы»: старания, вопреки всем моим истинным склонностям, стать приличной молодой женщиной вытянули из моей жизни почти все краски.

Мои коллекции разных разностей из мира природы канули в прошлое, вываленные наземь посреди небольшого леса за нашей усадьбой. Каллиграфически написанные карточки, которыми я снабжала свои находки, были с великой pompой преданы огню. Больше я не приносила в дом ничего грязнее случайно сорванного в саду цветка.

Остался только Изумрудик, спрятанный так, что мамá ни за что не смогла бы найти его. Заставить себя отречься от этого сокровища было выше моих сил.

Но я солгу, если буду делать вид, будто полностью оставила все свои увлечения. Приемлемым увлечением, в отличие от драконов, считались лошади, и я, за компанию с Аmandой Льюис, переключила внимание на них. У них не было крыльев (этого недостатка я не смогла простить им до сих пор), но за эти два года я узнала о них очень многое: различные породы и их признаки; масти и схемы окраса; различные аллюры – естественные и вырабатываемые дрессировкой... При помощи шифра, который не могла прочесть мамá, я вела пространственные дневники, отмечая в них тысячи деталей лошадиной природы – от внешнего вида до походки, повадок и так далее.

Косвенным образом лошади привели меня к новому и неожиданному источнику удовольствия. Пока заживало мое плечо – и еще долгое время после – я считалась слишком слабой для верховой езды, но не могла дни напролет проводить в доме. Поэтому в погожие дни я приказывала слугам установить кресло у лошадиного загона и садилась рисовать.

Я часто слышу любезные и совершенно необоснованные похвалы моему «таланту художника». На самом деле у меня нет и никогда не было никакого таланта. Если бы хоть некоторые из моих юношеских рисунков сохранились, я предъявила бы их в доказательство – они были так же неуклюжи, как работы любого начинающего рисовальщика. Но рисование было одним из немногих достойных юной леди занятий, доставлявших мне удовольствие, а я в высшей степени упряма. Благодаря упрямству и множеству практики, я постигла законы перспективы и светотени и научилась передавать то, что вижу, углем или карандашом. Эндрю, соскучившись от такого поворота событий, на время забросил меня, но я смогла уговорить его сообщать мне, когда ветеринар прибудет лечить травмы или принимать роды у лошадей, и таким образом изучала анатомию. Мамá, успокоившись на том, что я нашла себе хоть какое-то занятие, приличествующее юной леди, закрывала глаза на эти экскурсии.

В то время все это казалось жалкой заменой моим великим приключениям, закончившимся, как я полагала, навсегда. Теперь, с высоты прожитых лет, я благодарна тем серым годам за принесенные ими плоды. Они отточили мой глаз и приучили меня описывать то, что вижу, а эти две вещи лежат в основе всего, чего я достигла с тех пор.

Однако, при всем при том, то были два крайне скучных, томительных года.

Конец им настал в день моего шестнадцатилетия, официального превращения из «девочки» в «юную женщину». Вслед за этим мамá начала хлопотать о моем будущем – точнее сказать, привела в действие планы, составлявшиеся с момента моего рождения. Ее амбиции

насчет моего замужества были грандиозны: единственной дочери сэра Дэниэла Эндмора не пристало становиться женой провинциального джентльмена из Тамшира, но следовало отправиться в Фальчестер и выйти в свет, что позволило бы привлечь внимание жениха из высшего общества.

Вытерпеть эти муки мирно было бы уже свыше моих сил, если бы не неожиданный разговор с отцом, состоявшийся незадолго до того, как меня утащили в Фальчестер.

Разговор произошел в его кабинете, и я с трудом отводила взгляд от полок с моими старыми запретными друзьями. Откинувшись на спинку кресла, отец сцепил пальцы перед собой.

– Изабелла, – начал он, – я вовсе не намерен препятствовать твоему счастью.

– Я знаю, папá, – ответила я, изображая воплощение дочерней покорности.

Возможно, уголки его рта и впрямь дрогнули в улыбке за густой бородой, а, может, мне это просто почудилось.

– Ты справилась превосходно, Изабелла, – продолжал он, постукивая указательными пальцами один о другой. – В самом деле, твое поведение достойно всяческих похвал. Однако я вполне понимаю, как нелегко дались тебе эти годы.

На это я промолчала, не имея ответа, приличествующего леди. Отцовское одобрение было мне слишком дорого, чтобы отметить его единым махом.

После некоторой паузы он сказал:

– В наши дни свахи вышли из моды. Похоже, теперь мы считаем, что справимся лучше без помощи профессионалок. Но я взял на себя смелость заплатить одной из них за составление небольшого списка, который ты найдешь на ближнем к тебе краю стола.

Заинтригованная, я отыскала лист бумаги и, развернув его, обнаружила список из шести фамилий.

– Мужа, готового оплатить библиотеку для жены-книгочейки, не так-то легко найти: большинство сочтет это бессмысленной тратой денег. Однако ты вполне можешь найти жениха, готового разделить с тобой собственную библиотеку. Все джентльмены, перечисленные в этом списке – ученые-любители, владельцы богатых собраний книг, – глаза папá блеснули из-под бровей, морщинки вокруг них дрогнули. – Из достоверных источников известно: те, чьи фамилии я подчеркнул, владеют и экземплярами «Естественной истории драконов».

Два года я запрещала себе вспоминать это название, и, думаю, оно поразило меня примерно с той же силой, что и встреча с предметом первой девичьей любви после многих лет разлуки. Пожалуй, в тот миг я поняла Аманду и ее страсть к захватывающим романам.

Прежде чем мне удалось найти нужные слова, папá продолжил:

– Помочь завоевать кого-либо из них я не могу – это дело твое и твоей матери, которая отнюдь не скажет мне «спасибо» за вмешательство. Но кандидаты эти во всех отношениях достойные, и, если тебе удастся завлечь в свои силки любого из них, заранее обещаю свое согласие.

Он поднялся с кресла как раз вовремя, чтобы подхватить меня: рассмеявшись от счастья, я обогнула стол и бросилась ему на шею. После беседы в моей гостиной я разжаловала отца из мелких языческих божков в благожелательные огры, но, судя по всему, усилия двух последних лет не пропали даром.

Шесть имен и шесть фамилий... Безусловно, одна из них принесет мне счастье!

* * *

Сезоны... Этот вид человеческой деятельности вполне сравним с соколиной охотой или охотой на лис; отличие лишь в экипировке и действующих лицах. Точно так же, как ворчливым седым старикам знакомы все повадки зайца и перепела, сплетникам высшего общества известны все пикантные подробности о женихах и невестах текущего Сезона. В обоих слу-

чаях используются лошади: в одном – как транспортное средство, в другом же – как способ показать себя. Вместо полей и лесов охотничьими угодами служат гостиные, бальные залы и любые другие места, где собирается общество и где можно привлечь к себе взор потенциального супруга.

Итак, сливки общества кинулись в Фальчестер, и звуки рогов возвестили начало охоты.

Слухи о подобных материях и ныне живут недолго: пересуды о том, кто, что, кому и где сказал, быстро забываются, сменяясь более свежим мясом. А уж мелкие подробности моей невероятно давней юности вряд ли вызовут у современного читателя больший интерес, чем гостерширские налоговые ведомости или ипохондрические жалобы двоюродной бабки. Опишу лишь то, что имело долгосрочные последствия, а именно – день, когда я отправилась в королевский зверинец.

Мне вовсе не следовало отправляться туда. Согласно скрупулезно составленным планам мамá, в тот день меня должны были видеть прогуливающейся в парке верхом – она намеревалась извлечь пользу из моего сельского воспитания, продемонстрировав, сколь изящно и уверенно я держусь в седле. Однако она – бедная женщина! – слегла с расстройством желудка (подозреваю, виной тому была несвежая рыба, съеденная накануне за ужином у Ренвика) и не могла сопровождать меня.

К счастью, Эндрю, оказавшийся в то время в городе, заглянул к нам выполнить сыновний долг и выразить матери соболезнования. Он не участвовал в охоте на невест: в те дни он еще бил баклуши в университете, каждую неделю меня суждение о том, стоит ли ему поступить на военную службу и отправиться в дальние страны стрелять по людям. Однако он все еще оставался моим лучшим союзником среди всех братьев, и, когда мамá посетовала на нарушение своих планов, вызвался сопровождать меня вместо нее на протяжении дня.

Мать не сочла эту замену идеальной – те, кто не знал Эндрю, могли принять его за моего жениха, – но выбирать было не из чего (Аманда, год назад покинувшая отцовский дом и быстро выскочившая замуж, была привязана к дому в ожидании первенца и сопровождать меня не могла). Принять предложение Эндрю было лучше, чем позволять мне впустую тратить время, сидя дома, и мать, пусть с неохотой, но согласилась.

Как только мы отошли от ее двери, Эндрю схватил меня за плечо.

– Не надевай костюм для верховой езды, – сказал он *sotto voce*³. – Мы отправляемся в зверинец.

Я моргнула от неожиданности, удивленная, но не склонная отказываться. Я очень любила ездить верхом, но дома, за городом; а кататься неспешной рысцой в парке по кругу – много ли в том удовольствия?

– Но нас же не пустят.

– Пустят! – Эндрю заговорщически сверкнул глазами. – Графиня Грэнби устраивает экскурсию, и я приглашен на правах гостя.

О королевском зверинце я не знала почти ничего, кроме того, что покойный отец нынешнего короля отвел под него обширные земли вниз по реке от Фальчестера, а его сын, не считаясь с расходами, пополняет коллекцию всеми экзотическими животными, каких только можно склонить к жизни в неволе. В основном, зверинец служил для развлечения членов королевской фамилии. Время от времени в нем объявлялись и дни для широкой публики, но я, росшая в провинциальном Тамшире, не имела шанса воспользоваться этим. Как Эндрю, несомненно, догадывался, подобная экскурсия была для меня редчайшим из удовольствий.

Нашим гидом был сам мистер Суорджин, королевский натуралист. По его указаниям животные в зверинце были размещены согласно видам: в одном месте – птицы, в другом – млекопитающие, в третьем – пресмыкающиеся и так далее. Чучела экземпляров тех животных,

---

³ Вполголоса (*итал.*).

что умерли в неволе, стояли на постаментах рядом с клетками тех, что продолжали жить. В коллекции короля имелись попугаи, утконосы и пираньи, кукушки, верблюды и хамелеоны... Я изо всех сил сдерживала энтузиазм: тяга к знаниям достойна восхищения как в мужчинах, так и в женщинах, но только тогда, когда она соответствует приличиям. (Это, конечно же, мнение общества, а не мое. Рада отметить, что с тех времен оно несколько изменилось.) Мне, как юной леди, приличествовало выказывать интерес лишь к певчим птичкам и прочим нежным созданиям, иначе общество тут же заклеило бы меня «чернильным носом».

Организация экскурсии оставляла желать лучшего: экскурсанты бродили по всевозможным садикам и залам со стеклянными стенами, и только единицы обращали хоть какое-то внимание на речи мистера Суорджина. Мне очень хотелось послушать его, но я не осмеливалась выделяться, оказавшись единственной его слушательницей, и потому улавливала только короткие обрывки. Но вот мы остановились у огромных двустворчатых дверей.

– Внутри, – натуралист возвысил голос, и это привлекло к нему больше взглядов, чем прежде, – находятся ценнейшие из экспонатов коллекции Его Величества, последние его приобретения. Умоляю дам соблюдать осторожность, ибо многие найдут содержащихся здесь животных пугающими.

Можете вообразить, насколько решительно я отвергла старые интересы: я не имела ни малейшего представления, что же такого приобрел в последнее время король и что находится за этими дверями.

Мистер Суорджин отворил двери, и мы прошли в большой павильон, накрытый куполом из стеклянных панелей, пропускавших внутрь дневной свет. Остановившись на мостках, огибавших павильон по периметру, мы оказались над глубокой ямой с посыпанным песком дном, разделенной массивными решетками на три просторных вольера, словно разрезанный на куски пирог.

В каждом из этих вольеров оказалось по дракону!

Забыв обо всем на свете, я бросилась к ограждению. Животное, покрытое блекло-золотистой, точно топаз, чешуей, подняло длинную морду и взглянуло на меня снизу. За левым плечом раздался сдавленный вскрик, и кто-то из дам лишился чувств. Самые храбрые из джентльменов тоже подошли к ограждению и о чем-то зашептались меж собой, но мне было не до них. Все мое внимание было приковано к драконам в яме.

Дракон отвернулся от меня, и что-то глухо лязгнуло. Только сейчас я заметила на его шее тяжелый ошейник, соединенный толстой цепью с кольцом в стене. Решетки, разделявшие вольеры, были двойными – между каждой парой решеток имелось пустое пространство, не позволявшее драконам достать друг друга когтями сквозь прутья.

Медленно, точно замороженная, я обошла яму кругом. В вольере справа лежала грязно-зеленая груда, также прикованная цепью к стене и даже не взглянувшая на меня. Третий дракон был совсем тощ и тщедушен, в белой чешуе, с розовыми глазами... Альбинос?

Мистер Суорджин ждал у ограждения возле выхода. Взглянув на него, я увидела, что он внимательно следит за экскурсантами, огибавшими яму вслед за мной. В начале экскурсии он просил всех ничего не бросать животным и не шуметь возле них; подозреваю, в тот момент это особенно тревожило его.

Ахиатский пустынный дракон

Золотистый дракон отошел в дальний угол вольера и принялся грызть большую, почти полностью обглоданную кость. Я внимательно пригляделась к нему, примечая характерные анатомические признаки и сравнивая его размеры с размерами кости – похоже, бедренной кости коровы.

– Мистер Суорджин, – заговорила я, не отводя взгляда от дракона, – это ведь не молодые особи, не так ли? Это карлики?

– Прошу прощения? – откликнулся натуралист, повернувшись ко мне.

– Я могу ошибаться – честно говоря, все мои познания почерпнуты только из труда Эджуорта, к сожалению, очень скудно иллюстрированного – но, насколько я понимаю, гребень на затылочной части головы у драконов настоящих полностью развивается только в зрелом воз-

расте. Мне плохо виден зеленый в следующем вольере – видимо, это мулинский болотный змей? – но эти особи не могут быть вполне развившимися взрослыми представителями своих видов. Учитывая сложности содержания драконов в зверинце, мне кажется, что коллекционировать карликовые экземпляры проще, чем сталкиваться с новыми и новыми проблемами по мере развития молодых особей. Конечно, их развитие длится долго, поэтому можно...

Тут я осознала, что делаю, и поспешила захлопнуть рот. Но, боюсь, слишком поздно – меня успели услышать. Сзади раздался незнакомый голос:

– Альбинос, несомненно, карлик, но я не могу опознать вид.

Если будет на то воля моего любезного читателя, он может дополнить эту картину драматическим аккомпанементом оркестра – я предложила бы нечто в зловещем минорном ключе. Именно такой мотив прозвучал в моей голове, как только я поняла, что окончательно и бесповоротно выставила себя «чернильным носом». Отяжелев от ужаса, я оторвалась от золотистого дракона и подняла взгляд на джентльмена, вступившего в разговор.

Первым, что я увидела, была пара изящных ступней в блестящих кожаных туфлях. Далее – стройные длинные ноги, узкие бедра и талия, еще не огрузившая с возрастом. Длинные пальцы, лежавшие на фигурной бронзе ограждения. Плечи – довольно широкие, но не настолько, чтобы фигура принимала треугольную форму, которую я нахожу неприглядной, хоть некоторых леди она и привлекает. Длинный овал лица, твердые губы, прямой нос, жесткие скулы, ясные карие глаза за стеклами очков и, наконец, шапка аккуратно подстриженных и причесанных темно-русых волос.

Другая леди, возможно, смогла бы поведать вам, во что он одет. Я же, со своей стороны, рассматривала его глазами натуралиста, оценивая размеры, экстерьер и окрас. А также особые приметы – герб, вышитый на носовом платке в нагрудном кармане: в серебряном поле чернью три скрещенные стрелы в руке.

Герб Кэмхерста, принадлежащий богатому баронету. Судя по возрасту и очкам, передо мной стоял второй сын баронета, некто Джейкоб Кэмхерст. Двадцать три года, окончил Эннсбери, хорошо обеспечен благодаря капиталовложениям. Свахой, сообщившей его имя моему отцу, он был помечен, как «в лучшем случае – весьма маловероятно»: в будущем Джейкоб обещал стать если не блистательной, то достойной добычей, но пока что не изъявлял намерения жениться.

Только это и спасло меня от полного позора. Это значило, что я не поставила под угрозу свои перспективы – если только не дала мистеру Кэмхерсту повода посплетничать обо мне с кем-либо еще.

– Прошу прощения, – сказал этот джентльмен, остановив взгляд на мне. – Я вовсе не хотел перебивать вас.

Да он и не перебивал – я умолкла сама, прежде чем он успел это сделать. Однако внезапная остановка лишила меня дара речи. От этого плачевного состояния меня спасло только явление беспутного братца.

– Конечно, нет! Это – прерогатива брата! – сказал Эндрю, подавая мистеру Кэмхерсту руку. – Эндрю Эндмор. Мой отец – сэр Дэниэл Норрингейлский, из Тамшира. А это моя сестра Изабелла.

В те дни мое умение держаться в обществе оставляло желать лучшего – как впрочем, и сейчас; с тех пор оно дополнилось лишь величием прожитых лет, – но два года практики уберегли меня от окончательного провала. Несмотря на смутившие мою душу страх и влечение (страх перед незнакомым мужчиной и влечение к драконам – большинство юных леди чувствовали бы ровно обратное), я ухитрилась исполнить приемлемый реверанс.

– Очень рада, – сказала я.

Мистер Кэмхерст склонился к моей руке и поцеловал воздух над моими пальцами. Представившись в ответ, он тут же отвлекся от меня и обратился к мистеру Суорджину:

– Так кто же этот альбинос, сэр?

– Выштранский горный змей, – ответил натуралист. – Конечно, их естественный окрас – серый. Данная особь – действительно альбинос, как вы можете видеть по цвету глаз.

Эндрю за спиной мистера Кэмхерста строил мне комичные рожи. Я понимала, чего он хочет: его весьма позабавило бы, продолжи я болтовню о драконах. Однако с мамá случилась бы истерика уже оттого, что я была в зверинце. Мое поведение (в случае каких бы то ни было доносов) должно было оказаться выше всяких упреков. Будь я мудра, я бы оставила мистера Кэмхерста с мистером Суорджином, пока соблазн не сделался слишком силен.

Но, конечно, житейской мудростью я не блистала. Как и у Аманды Льюис, мои представления о мире были сформированы чтением. Круг чтения Аманды был таков, что она ожидала от жизни сплошной череды балов, дуэлей и весьма своевременных гроз; я же, благодаря книгам, ждала от жизни интеллектуального общения равных с равными. Поймите, я прочла великое множество работ, написанных мужчинами, для которых интеллектуальное общение было образом жизни, и даже не сознавала, сколь маловероятен такой образ жизни для меня. В свои наивные шестнадцать я полагала, что Джейкоб Кэмхерст может стать моим другом.

Дело решил мистер Суорджин, упомянув меня в данном мистеру Кэмхерсту ответе:

– Мисс Эндмор права: все три особи – карлики. Зеленый – это мулинский болотный змей, золотистый – пустынный дракон из южной Ахии. Его Величество очень хотел бы иметь взрослых особей, развитых в полной мере, но содержать их в зверинце невозможно. Вы, несомненно, заметили решетки, отделяющие их друг от друга, а болотного змея, сверх того, приходится постоянно держать в наморднике. Этот экземпляр упорно испускает дуновения на всех вокруг, и, хотя две прочие особи переносят это легче, чем мы, люди, особой радости это не доставляет никому.

– Экстраординарное дуновение, – пробормотал мистер Кэмхерст, взглянув в сторону неподвижной зеленой туши.

Конечно же, я узнала слова из «Естественной истории драконов»! То был термин, введенный Эджуортом в обиход для описания шестого, окончательного видового признака «дракона настоящего». Все особи этого вида способны выдыхать с воздухом нечто еще, будь то легендарный огонь или что-либо другое.

Общая теория юных леди, бытовавшая в те времена, гласила, что любопытство привлекает молодых людей лучше, чем знания. Вооруженная этим сомнительным фактом, я рискнула задать вопрос, ответ на который и без того знала:

– Чем же он дышит?

К моему разочарованию, вместо мистера Кэмхерста ответил мистер Суорджин:

– Ядовитыми парами, мисс, – сказал он. – Весьма неприятными и вредными для легких. Перед кормежкой приходится опускать в те промежутки меж решеток дощатые щиты, чтобы хоть как-то уберечь двух прочих особей, когда с мулинца снимают намордник.

– Как мне представляется, альбиносу приходится особенно нелегко, – заметил мистер Кэмхерст.

– Удивительно, но нет, сэр. Пусть внешность не обманывает вас. Для карлика и альбиноса эта особь весьма вынослива. Хуже всего приходится ахиатке. Хотя она – существо несколько пугливое и нервное...

«Она...» Мистер Суорджин впервые упомянул о половой принадлежности драконов. Оказывается, золотистый ахиатский дракон, вышагивавший по вольеру под моими ногами, – самка! Я поспешила отвести взгляд. К счастью мулинец лежал, свернувшись в клубок, и я не оконфузилась, устремив взгляд куда не следует.

Но тут я отметила некоторую странность. Ахиатка была самкой, мулинец – самцом, но о выштранском драконе мистер Суорджин не сказал ничего определенного. Эту-то мысль я и высказала вслух, лишь после этого сообразив, что мой вопрос могут счесть непристойным:

– А какого пола тот альбинос?

– Никакого, мисс, – ответил мистер Суорджин. Мистер Кэмхерст вновь взглянул на меня. Оставалось только надеяться, что он не скандализован моим вопросом. – Горные змеи не имеют... – взгляд его скользнул в сторону. – У них не развивается подобных признаков, – продолжал он, внося поправки во фразу, которую намеревался использовать изначально, – до полного созревания. Наш выштранец остается недоразвитым и, таким образом, бесполом.

Это было изумительно. Мне захотелось задать еще множество вопросов, но тут мистер Суорджин заметил экскурсанта, перегнувшегося через ограждение над вольером болотного змея.

– Прошу прощения, – коротко бросил он и устремился к неосторожному джентльмену.

Это оставило меня в смешанных чувствах. С одной стороны, я счастливо лишилась возможности продолжать задавать непристойные вопросы... но, с другой стороны, осталась с мистером Кэмхерстом наедине.

Если, конечно, не считать брата. Он великолепно заменил собой юную леди – по крайней мере, в вопросе соперничества любопытства со знаниями. Эндрю знал о драконах не больше, чем средний молодой человек – то есть, что они огромны, покрыты чешуей и имеют крылья – и, к счастью, оставался в глубине души все тем же восьмилетним мальчишкой. Он начал спрашивать мистера Кэмхерста сам, что обеспечило нам достаточный повод оставаться в его обществе, пока не пришло время покинуть зверинец (и, стоит добавить, оказаться с наветренной стороны от него). К тому времени я успела вставить в их разговор несколько замечаний и произвести на мистера Кэмхерста впечатление настолько благоприятное, что он угостил меня лимонадом, прежде чем водоворот светской жизни унес его прочь.

(Впрочем, возможно, его очаровала вовсе не беседа со мной, хотя я уверена: он был рад познакомиться с кем-либо, интересующимся им не из-за его состояния. Я почти не помню, во что была одета в тот день, но знаю, что уже не была той тощей, костлявой девчонкой, что гонялась за волкодраком, и платья, пошитые к моему Сезону, придавали моей груди весьма интригующий вид.)

Узнав о походе в зверинец, мамá была недовольна, но должным образом отредактированный доклад о знакомстве с мистером Кэмхерстом заставил ее несколько смягчиться. И состояние, и воспитание его были вполне приемлемы, но к моему энтузиазму мать отнеслась пренебрежительно.

– Не трать время впустую, Изабелла. Я знаю об этом человеке от миссис Растин. Он не намерен жениться.

Мне достало здравого смысла промолчать о том, что и я не намерена выходить замуж – в данном конкретном случае. Честно говоря, в глубине души я слегка сожалела о том, что мистер Кэмхерст не котируется на рынке женихов. Нет, я не питала к нему «безумной страсти», подобной той, о которой мечтала Аманда Льюис, но он был довольно симпатичен, довольно обаятелен и довольно богат. Мамá вполне могла мечтать о том, что мне удастся залучить в мужа какого-нибудь холостого виконта, но вовсе не стала бы заставляя меня отказывать мистеру Кэмхерсту, сделай он предложение. Я же надеялась, что муж, которого мне, в конце концов, удастся найти, не запретит мне дружбы с ним – новый знакомый казался очень приятным человеком.

* * *

Конечно, поиски мужа на этом не кончились. Были и танцы, и игры в карты, и утренний шерри, и пятчасовой чай – весь тот вихрь событий, что сопутствует фальчестерским Сезонам. Были и сплетничающие мамá, и тайные изучения семейных финансов, и скандальные известия о наследственном слабоумии – все те подковерные махинации, что сопутствуют охоте на

женихов и невест. Скажу откровенно: я предпочла бы худшие из испытаний, что мне пришлось пережить на стезе науки. Но, несмотря на все свои наивные помыслы, я все чаще и чаще оказывалась в приятном обществе мистера Кэмхерста. И вот однажды вечером вся эта история достигла кульминации: за ужином у Ренвика он попросил разрешения навестить нас на следующий день в доме, что мы снимали на Уэстбери-сквер.

Смысл его просьбы не мог ускользнуть даже от такой тупицы, как я. Едва я успела вымолвить позволение, как мамá утащила меня домой и отправила в кровать, строго-настрого приказав не вставать до десяти, чтобы на следующий день не выглядеть утомленной. (Задача оказалась не из легких: проснувшись в восемь, я была вынуждена лежать в постели еще два часа, и это неприятно напоминало о раненом плече и последовавшем лечении.)

Однако, как только часы пробили десять, все пришло в движение. Я была необычайно тщательно вымыта и одета, а прическа моя – доведена до полного совершенства. Поздний завтрак прошел крайне напряженно, и я едва не рывкнула на мамá, чтобы она обуздала нервы. Не могу сказать, что сама была образцом спокойствия, но от ее нервозности становилось еще хуже.

По окончании завтрака меня отправили наверх, сменить утреннее платье на более respectable дневное. Мамá отправилась со мной и успела выбрать и забраковать четыре из возможных нарядов, прежде чем раздался звонок в дверь. В отчаянии, она вернулась ко второму варианту из четырех, приказала горничной как можно скорее одеть меня и поспешила вниз.

Визитером, как и ожидалось, оказался мистер Кэмхерст, и, как только на меня был наведен весь возможный блеск, я спустилась в гостиную.

Стоило мне ступить на порог, мамá, занимавшая гостя светской беседой, немедленно поднялась.

– Я оставлю вас вдвоем, – сказала она и, уходя, затворила за собой двери.

Меня оставили наедине с неженатым мужчиной. Потребуйся мне дальнейшие подтверждения того, что должно было произойти, этого хватило бы с избытком.

– Мисс Эндмор, – заговорил мистер Кэмхерст, подойдя к моей руке. – Надеюсь, вы в добром здравии?

– Да, вполне, – отвечала я, дивясь про себя, сколь пустыми кажутся светские условности в подобной ситуации.

Будто подслушав мои мысли, мистер Кэмхерст помедлил и улыбнулся, вслед за мною усаживаясь в кресло. Понимание в его взгляде помнится мне до сих пор.

– Боюсь, я не знаю всех тонкостей этой процедуры – честно говоря, до недавнего времени я и не задумывался об этом, – однако ж не думаю, что дальнейшее промедление принесет кому-либо из нас хоть какой-то прок. Как вы, без сомнений, уже догадались, я пришел к вам сегодня, чтобы просить вас стать моей женой.

Возможно, сказав все это без лишних драм, он совершил самый милосердный поступок в своей жизни, но все же у меня захватило дух. К несчастью, вновь обретя дар речи, я сказала совсем не то, что следовало.

– Почему? То есть... это... – отчаянно краснея, я заставила себя сформулировать внятную фразу. – Прошу простить меня, мистер Кэмхерст...

– Прошу вас, называйте меня Джейкобом.

– Я не хотела быть грубой, но вышло просто ужасно. Дело в том, что... – сама не знаю, как сумела взглянуть в его карие глаза. – Все эти поиски мужа были так непривычны, и теперь, когда этот момент настал, я невольно задаюсь мыслью: почему? Почему вы хотите взять в жены меня? Почему именно меня, а не другую? Нет, я вовсе не хочу сказать, что вам следует поискать кого-либо другого... – слегка успокоившись, я покачала головой и смущенно сказала: – Лучше я замолчу, пока не поставила себя в еще более неловкое положение.

Запоздалая мысль о том, что у замочной скважины нас вместе с горничными может подслушивать и мамá, повергла меня в ужас.

Мистер Кэмхерст, что вполне понятно, был смущен.

– Мисс Эндмор...

– Прошу, называйте меня Изабеллой.

– Я не знаю, как ответить вам, не будучи несколько прямолинейным. Однако, учитывая обстоятельства нашей первой встречи, это единственный уместный путь.

Он сделал паузу, и я напрягла все силы, чтобы не съежиться.

– Вы ведь читали «Естественную историю драконов» сэра Ричарда Эджуорта, не так ли?

– Боже меня сохрани, – невольно вырвалось у меня, – с мамá случится истерика, если я честно отвечу на этот вопрос.

Этим мне удалось вызвать его мимолетный смех, хоть цель была и не в том.

– Мисс Эндмор... Изабелла, вы – далеко не первая юная леди, имевшая на меня виды. Но я уверен: вы – первая, кого привлекло во мне не богатство, но мое хобби. Возможно, я жестоко ошибаюсь, но, по-моему, вы приехали в Фальчестер не в поисках мужа, а в поисках того, кто интересуется естественной историей, и именно это ваше качество послужило мне наилучшей рекомендацией.

Если мамá действительно подслушивала, то ни за что не позволила бы мне закончить этот разговор... но в этот миг я и помыслить не могла о том, чтобы солгать человеку, который мог стать моим мужем, пусть даже рискуя отпугнуть его своей прямоотой.

Набрав полную грудь воздуха, я с трудом расцепила сведенные судорогой пальцы.

– Мистер Кэмхерст... Джейкоб... – имя, слетевшее с языка, оставило за собою незнакомый привкус чего-то глубоко личного. Чувствовал ли то же самое и он? – Естественная история – моя страсть с тех пор, как я была маленькой девочкой. Боюсь, эта страсть – не для леди, и лишь немногие мужья во всем мире потерпели бы ее в своих женах. Не знаю, станете ли вы одним из этих немногих. Но, по крайней мере, мне известно, что вы собрали обширную библиотеку на эту тему. Я надеялась, что вы позволите мне тоже пользоваться ей.

Он наградил меня ошеломленным взглядом.

– Так я нужен вам ради моей библиотеки?

Высказанная столь прямо, эта мысль прозвучала дико.

– О господи... Я вовсе не хотела оскорбить вас...

На этот раз он рассмеялся от души.

– Страннейшее из оскорблений, которым я когда-либо подвергался – если только его можно назвать оскорблением! Итак, Эджуорта вы...

– Впервые я прочла его в одиннадцать, – призналась я. – И с тех пор перечитывала не одну дюжину раз.

– Я вижу, – сказал он. – Я не вполне расслышал, что вы говорили Суорджину, но думал, что в имени не ошибся. К тому же, вы действительно опознали болотного змея – уж в этом я был уверен.

– Эти драконы... – убито сказала я. – Я не сомневалась, что испортила свое будущее, вот так проболтавшись на людях.

Он улыбнулся. Смешно, но при виде его улыбки сердце мое слегка затрепетало.

– Во все нет – по крайней мере, в тот раз. Но было и еще кое-что...

Только что трепетавшее сердце замерло.

– Еще кое-что?

Я принялась лихорадочно ворошить память в поисках прочих удобных случаев опозориться. Их было так много!

– Да, и совсем недавно. Когда я просил вас стать моей женой, – он улыбнулся еще шире. – Вы так и не дали мне ответа.

Действительно, так оно и было. Оправившись от испуга и покончив с самобичеванием, я сглотнула и улыбнулась ему в ответ. Чудо из чудес, но голос мой не сорвался и зазвучал с первой же попытки.

– Да, – сказала я. – Если вы до сих пор не сбежали, вы, вероятнее всего, единственный человек в Ширландии, кто возьмет меня в жены. Как же я могу отказать?

«Добыча наша!» – протрубили охотничьи рога в голове. И на сей раз победителем, несомненно, была я.

Глава 4

Свадьба и свадебный подарок – Семейная жизнь – Великое Исследование Искровичков – Мисс Натали Оскотт и ее дед – Планы экспедиции в Выштрану

Папá дал согласие на брак без лишних разговоров. Вернувшись домой по окончании Сезона, я увидела в его глазах искреннюю радость. От этого я неожиданно расплакалась и не смогла найти слов благодарности за то, что он указал мне путь к счастью. Но, полагаю, он понял меня и без этого.

Свадьба состоялась той же осенью, вскоре после моего семнадцатого дня рождения. Празднество было пышным: имея лишь одну дочь, родители могли позволить себе дать за мною неплохое приданое и устроить торжества на широкую ногу. Благодаря связям Кэмхерстов, простиравшимся куда дальше наших, нас удостоили вниманием даже несколько августейших персон.

Конечно, ярчайшие из свадебных воспоминаний должны быть связаны с мужем. Во многом, так оно и есть, но воспоминание, которым я хочу поделиться с вами, касается не мужа, а отца. В день свадьбы невеста не знает ни минуты покоя и уединения, но к вечеру папá отозвал меня в сторону и вручил мне небольшой сверток.

– Для вас с мужем мы приготовили другие подарки, – сказал он, – но это, дорогая моя Изабелла, подарок лично тебе.

Я заподозрила, что находится внутри, еще не развернув свертка: пальцы могли бы узнать содержимое на ощупь. Однако я сдерживала слезы, пока действительно не увидела знакомый переплет «Естественной истории драконов» сэра Ричарда Эджуорта.

– Я приобрел эту книгу для тебя, – сказал папá, – хоть и понимал, что это может кончиться бедой. Поскольку она привела тебя к счастью, думаю, она должна принадлежать тебе.

Совершенно забыв об уроне, наносимом слезами косметике, и об угрозе испачкать отцовский костюм, я обняла папá изо всех сил.

Как бы абсурдно это ни прозвучало, только в тот момент я осознала, что оставляю родительский дом навсегда. Возможно, джентльмены, читающие мои мемуары, меня не поймут, но дамам это чувство знакомо слишком хорошо. Замужние леди сами прошли через это, а незамужние, несомненно, над этим хотя бы задумывались. Выйти замуж означает сменить один дом на другой, а зачастую – не только дом, но и местность. Конечно, моим переживаниям не сравниться с замешательством невест королевских кровей, выходящих замуж за границу, но мне предстояло покинуть фамильную усадьбу в Тамшире, где я провела практически всю жизнь, оставить позади все, что я знала, и переселиться в дом Джейкоба в пригороде Фальчестера.

Джейкоб... В этих мемуарах я намеренно называла его мистером Кэмхерстом вплоть до сего момента. Именно так я мысленно называла его в те дни и некоторое время после. Прошли недели, а то и месяцы, прежде чем для меня стало естественным называть его по имени. В период ухаживания и после обручения мы провели вместе довольно много времени, но все же переезд в его дом в качестве супруги казался мне чем-то мучительно интимным, и, сколько бы я ни убеждала себя, что эта интимность теперь в порядке вещей, все было без толку. Помочь могло одно лишь время – только со временем он перестанет быть мне наполовину чужим и сделается для меня не только мужем, но и другом, как я когда-то надеялась.

Думаю, и Джейкобу, со своей стороны, пришлось привыкать ко мне. Нет, до свадьбы он не вел беспутную холостяцкую жизнь, однако в самом деле был холостяком и не привык к тому, что его жизнь принадлежит не только ему, но и какой-то женщине. К тому же, думается мне, он не вполне понимал, что со мной делать. В тот день, на Уэстбери-сквер, он сделал мне пред-

ложение оттого, что ему понравилась мысль о жене, с которой можно обсудить нечто большее, чем список приглашенных на званый обед. Но что делать с женой, когда она поселится в его доме?

В конце концов, он большей частью предоставил меня самой себе. Я имела свободный доступ к его библиотеке и могла просить его пополнить собрание, если мне хотелось прочесть нечто, не вызывавшее у него интереса. Эджуорта и еще несколько томиков я хранила для себя, в своей гостиной. Признаюсь: заполучив такое множество материалов для чтения, я время от времени пренебрегала обязанностями супруги, забывая устраивать званые обеды и прочие мероприятия, приличествующие людям нашего положения. Джейкоб побеседовал со мной об этом, и я обещала исправиться. К несчастью, вскоре нас постигла беда.

Почти через год после свадьбы я обнаружила, что жду ребенка, но вскоре после этого случился выкидыш, едва ли не на полгода ввергнувший меня в глубокую депрессию. Я прекратила переписку почти со всеми родными и друзьями, не в силах заставить себя написать даже Аманде Льюис, успевшей родить вполне здорового сына и ожидавшей второго ребенка. Несмотря на все заверения в обратном, я не могла избавиться от чувства вины: казалось, я не сумела исполнить главного долга жены. Джейкоб успокаивал меня, как только мог, но в конце концов на время с головой погрузился в дела: склонная к внезапным приступам слез, я была не слишком-то приятной компанией. Ища утешения, в один из дождливых дней, когда внимание мое были не в силах привлечь даже книги, я извлекла на свет одно из немногих напоминаний о детстве, привезенных с собою из дому – бережно хранимого Изумрудика.

Так и застал меня Джейкоб – сидящей на софе с пропитанным уксусом искровичком в руках.

– Могу я взглянуть? – мягко спросил он.

Я не услышала, как он вошел в мою гостиную, и вздрогнула. От этого Изумрудик выскользнул из рук. Я вскрикнула, но Джейкоб успел подхватить его на лету, да так осторожно, что искровичок ничуть не пострадал.

Джейкоб рассмотрел Изумрудика поближе.

– Уксус. Кто научил тебя этому?

– Кухарка, – ответила я. – В детстве я собирала всякую всячину. Все, что угодно – камни, перья и тому подобное – но главным образом искровичков. Этот единственный сохранился после того, как...

Я умолкла на полуслове, но Джейкоб вопросительно взглянул на меня.

– После чего?

И тогда я рассказала ему о волкодраке. Конечно, он видел шрамы на моем плече, но прежде я рассказывала об их происхождении крайне туманно: «несчастный случай в юности», и не более того. Да, муж относился к моим интересам терпимо, но мне вовсе не хотелось расписывать ему свою детскую глупость во всех деталях. Слушая мой рассказ, он сел на софу рядом со мной и положил Изумрудика мне на колени. Взяв искровичка в руки, я описала и последовавшие за инцидентом «серые годы», и как я лишилась своих коллекций, сохранив только эту реликвию.

Когда я закончила рассказ, Джейкоб потянулся ко мне и отер слезы, выступившие на моих глазах во время долгой речи.

– Значит, искровички, – сказал он. – Что касается волкодраков, тут я полностью на стороне твоего отца – я вовсе не хотел бы видеть тебя раненой, – но ведь искровички совершенно безвредны. Если ты вновь захочешь коллекционировать их, я возражать не стану.

Только в глупых романах солнце действительно выглядывает из-за туч, стоит лишь прозвучать подобным словам, но на сей раз мне показалось, что так оно и есть.

Погода еще несколько дней была омерзительной, но за это время нам успели доставить ящик уксуса. Кухарка проводила меня странным взглядом, когда я уносила его с кухни, но мне

было плевать: сколь бы ни мала была цель, появившаяся в моей жизни, это помогло справиться с так долго обременявшим меня недугом.

Дальнейшее Джейкоб ласково окрестил Великим Исследованием Искровичков. Леса, окружавшие Пастеруэй, пригород Фальчестера, где жили мы, были весьма благоприятны для размножения искровичков; летом и ранней осенью, выйдя на вечернюю прогулку, на них просто нельзя было не наткнуться. Я начала с коллекционирования недавно умерших, сохраняя их при помощи уксуса, но вскоре перешла на сачки для ловли бабочек и клетки для сверчков, чтобы иметь возможность наблюдать и зарисовывать живых особей. В мое распоряжение был отдан сарайчик садовника (сад у нас был невелик, и много инструментов для содержания его в порядке не требовалось), и вскоре я заполнила его весь, вплоть до кровельных балок.

Многим мое увлечение могло показаться смешным – и многие действительно смеялись над ним, ведь полностью скрыть от общества такое эксцентричное чудачество невозможно, – но я очень скоро открыла в искровичках много больше, чем мог подметить мой детский взор. Самцы и самки различались размерами, окрасом, конституцией, да к тому же не все искровички принадлежали к одной породе – близ Пастеруэя я обнаружила целых три, хоть впоследствии и пересмотрела свои умозаключения. Я изучала их поведение и привычки, и приложила множество тщетных усилий, склоняя их к размножению в неволе.

Открытия были не из тех, что потрясают мир, но сам факт, что они сделаны мной, поднял меня из глубин депрессии и вернул назад, в общество. Я вновь начала выезжать и приглашать гостей, и Джейкоб стал проводить дома больше времени. Изящные хвостики и сверкающие крылышки искровичков исцелили глубокую рану в моем сердце.

Таким образом, искровички, в некотором смысле, привели меня к делу всей моей жизни не один раз, а дважды: вначале они посеяли в моей детской душе интерес к естественной истории, а затем помогли мне вновь стать самой собой после выкидыша. Ведь, не оправься я в то время, я никогда не встретила бы с Максвеллом Оскоттом, эрлом Хилфордским, и не узнала о его выштранской экспедиции.

* * *

Еще до выкидыша я стала бывать у Ренвика реже, чем раньше: это не лучшее место для отдыха и развлечений, если не ищешь супруга или не пасешь родственника, находящегося в процессе. Однако младший брат Джейкоба решил заявить о себе как о холостяке, который не прочь жениться, и Джейкоб пообещал помочь ему присмотреть достойную невесту.

Не лучший повод для первого выхода в свет после выкидыша. Казалось, людей так много, что голова вот-вот пойдет кругом, и у меня возник повод порадоваться, что доступ в верхние залы так строго ограничен. Боюсь, настоящие толпы прикончили бы меня на месте.

Я, так сказать, заново знакомилась с высшим обществом. Замечания дам в мой адрес варьировались между заботой о моем самочувствии и колкостями в адрес моего нового хобби. На последние я отвечала вежливым молчанием – главным образом, ради Джейкоба: будь я одна, я с радостью вогнала в краску кое-кого из собеседниц несколькими тщательно подобранными деталями своей программы разведения искровичков.

Передохнуть удалось лишь в компании мисс Натали Оскотт, веселой молодой дамы, с которой я познакомилась в начале вечера. Я сразу же нашла в ней родственную душу. Едва ли не первым, что я услышала от нее, оказалось замечание по поводу исторических изысканий мадам Пресийон, а, как только водоворот светской жизни на время оставил нас наедине, убедилась, что на ее носу чернил не меньше, чем на моем. Когда она предложила познакомить меня со своим дедом, я с радостью согласилась.

– Он редко бывает здесь, – пояснила мисс Оскотт, ведя меня сквозь толпу, – но моя кузина Джорджия вознамерилась выйти замуж, и гранпапá настоял на знакомстве с ее ухажем. . . О, вот ты где! Ты уже нагнал страху божьего на этого юношу?

– Страху передо мной вполне довольно, – ответил лорд Хилфорд, целуя внучку в щеку.

Он был невысок, лыс и коренаст, однако не отрастил огромного брюха, какие часто наблюдаются у пожилых пэров. Да, он вполне мог бы нагнать страху на потенциального кавалера, хотя меня приветствовал довольно любезно. Выяснилось, что он знаком с отцом Джейкоба, сэром Джозефом; лорд Хилфорд поздравил меня с бракосочетанием.

– Должно быть, эти новости до меня не дошли, – виновато сказал он. – В последние несколько лет я редко бываю в Ширландии, и, боюсь, совсем отстал от жизни.

– Значит, вы были за границей? – спросила я.

– Гранпапá почти не бывает дома, – рассмеялась мисс Оскотт. – Он слишком занят путешествиями по экзотическим странам.

Приняв вид оскорбленного достоинства, лорд Хилфорд поднялся и сверху вниз взглянул на внучку. Точнее, попытался сделать это – она была ниже его максимум на дюйм.

– Да будет тебе известно, дитя мое: последние шесть месяцев я провел исключительно в заботах о здоровье! Мой врач рекомендовал морские купания на побережье Прании.

– И морские змеи, встречающиеся только у побережья Прании, конечно же, не имеют к этому никакого отношения.

Ее слова подстегнули мою память.

– Не вы ли делали доклад об этих животных в Коллоквиуме Натурфилософов?

В ответ лорд Хилфорд махнул рукой.

– Ничего ужасно важного. Я провел шесть месяцев, плавая в море и принимая какие-то мерзкие тонизирующие снадобья, в которых ни капли не нуждался. Лекция была лишь попыткой извлечь из всего этого хоть что-то ценное. Однако я действительно путешествую с исследовательскими целями, как недвусмысленно указала моя внучка.

– Должно быть, это такое удовольствие, – вздохнула я. – Мы с Джейкобом надеялись отправиться в турне после свадьбы, но обстоятельства не позволили. Где же вы путешествовали?

Судя по очевидной любви мисс Оскотт к деду, лорда Хилфорда вовсе не требовалось упрашивать рассказать о своих изысканиях. Слегка напыжившись, он сунул большие пальцы в карманы жилета.

– Побывал кое-где. . . Неудивительно – за столько-то лет. В молодости, во время азиатских войн, был в армии, но пустыни не приняли меня – их солнце слишком жестоко, – рука его поднялась с подлокотника и коснулась лысой макушки. – Как видите, сверху я ничем не защищен, а облысел еще в юности.

– Моряк из меня тоже неважный, – продолжал он. – Боюсь, мне остаются только континенты. По чести сказать, я думаю, что пранийский климат принес моим суставам больше вреда, чем пользы. Ревматизм, знаете ли. Теперь я намерен попробовать горы – научную экспедицию в Выштрану.

В Выштране водится множество достойных изучения животных, но мне на ум тут же пришло то существо, что я видела в королевском зверинце несколько лет назад.

– Драконы?

Лорд Хилфорд приподнял седую бровь.

– Именно так, миссис Кэмхерст.

– Но ведь вы изучаете морских животных?

– Я занимался ими немного в последнее время, но только для проверки одной из своих побочных теорий касательно классификации. Если я плохой моряк, какой же из меня тогда морской натуралист? – лорд Хилфорд покачал головой. – Нет, миссис Кэмхерст, мой главный

интерес – драконы. Сравнительно с прочими живыми тварями, мы знаем о них крайне мало – досаднейший пробел в науке.

Это напомнило мне об одном человеке, с которым мы с Джейкобом однажды обедали.

– Не знакомы ли вы, случайно, с лордом Шални?

Смех лорда Хилфорда оказался басовой версией смеха мисс Оскотт.

– С Вернером? Конечно! Я так понимаю, вам довелось слышать его диатрибы насчет скудости наших познаний о драконах.

– Да, вскоре после свадьбы, – призналась я. – Так, вы говорите, Выштрана?

– Там обитает разновидность драконов – мы называем их горными змеями, а местные зовут их «балаур». Слово не туземное – должно быть, заимствовано из бульского или змайского. Относительно дружелюбны – по драконьим меркам, и отыскать их можно, не слишком страдая от ужасной погоды – по крайней мере, в соответствующее время года. Я много думал: какие особенности заставляют драконов предпочитать экстремальные климатические условия? Или дело не в них, а в нас, расселившихся по земле и вытеснивших их? Возможно, некогда существовали простые полевые и луговые драконы, которым нравилось жить с большим комфортом? Не могу судить. Однако Выштрана кажется вполне подходящим местом для наблюдений за разновидностями, сохранившимися до наших времен.

К тому времени я научилась скрывать энтузиазм гораздо лучше, чем раньше. Хотелось бы верить, что в глазах лорда Хилфорда на моем лице отражался лишь вежливый интерес, а не восторженный трепет, распивавший меня изнутри.

– Уверена, муж с удовольствием прочтет о ваших находках.

Хотя с этим Джейкобу пришлось бы подождать – сначала завершения экспедиции лорда Хилфорда, затем издания отчета о ней, и, наконец, пока я, обнаружив книгу в почте, не проглочу ее от первого до последнего слова. Не стоит заблуждаться: Джейкоб находил драконов интересными, но его интерес сильно уступал моей страсти. Он вполне мог прочесть эту книгу после меня.

– Однажды гранпапа привез из Выштраны дракона, – вмешалась в разговор мисс Оскотт, – и преподнес его в подарок королю.

– Того самого альбиноса? – спросила я, глядя на лорда Хилфорда.

Просияв при воспоминании о своем свершении – учитывая сопутствовавшие трудности, ему действительно было чем гордиться, – лорд Хилфорд кивнул.

– Как я понимаю, вы и малыша моего видели?

– В королевском зверинце, – я слегка покраснела, жалея, что не умею делать это так же мило, как некоторые другие леди. – Признаться, там мы и познакомились с Джейкобом. И даже не просто в зверинце, а именно в павильоне с драконами. Я так огорчилась, узнав, что выштранец умер...

Эрл принял философский вид.

– Да... Что ж, не стоит винить Суорджина – он сделал все, что было в его силах. Драконы редко выживают вдали от родины. Чаще всего гибнут уже на стадии перевозки, а уцелевшие чувствуют себя в неволе крайне скверно. Драконовед йеланского императора объявил, будто им удалось вывести в неволе новое поколение их местного вида, но я в этом сильно сомневаюсь. Однако моему белому малышу удалось пережить эту ахиатку!

Я вспомнила, как мистер Суорджин упоминал о хрупком сложении пустынной драконессы. Я так надеялась, что ей удастся выжить, но она умерла от легочного заболевания еще до моей свадьбы.

– Ее тоже доставили в зверинец вы, милорд?

– Лишь отчасти. Я помог изловить ее – и тут же поклялся никогда больше не возвращаться в пустыню. Но королю ее презентовал герцог Конкеттский.

Значит, им пойман даже не один дракон, а два! Мое мнение о лорде Хилфорде, и без того высокое, взлетело до небес.

– А мулинский болотный змей?

Лорд Хилфорд расхохотался.

– Ничто не заставит меня связать с этой тварью свое имя! Они и вообще-то – звери злонаправленные и упрямые, а нам, вдобавок, достался один из самых отвратительных образчиков этой породы! Мулинских драконов и без того трудно назвать привлекательными, а дыхание этого, к тому же, причинило немало вреда здоровью ахиатки – хотя, конечно же, тут виноват и наш климат, что правда, то правда. Кроме того, он не раз кусал моего белого малыша, вырвавшись от зрителей. Нет, миссис Кэмхерст, мулинская тварь – не моя заслуга.

– Надеюсь, я не обидела вас, – сказала я, хоть и сомневалась, что в словах моих есть повод для обид.

– Ни в малейшей степени! Ваши расспросы о драконах льстят старческому самолюбию.

Улыбнувшись ему в ответ, я решила непременно найти способ отблагодарить мисс Оскотт, познакомившую меня с дедом.

– Что ж, желаю удачи в вашей выштранской экспедиции. Когда назначено отбытие?

Лорд Хилфорд снова махнул рукой – по-видимому, это был один из его привычных жестов.

– Не ранее будущего года. Заниматься организационными делами из Прании трудновато – особенно когда утомлен морским плаванием и этими отвратительными снадобьями. К тому же, некоторые родственники утверждают, будто любят меня и хотели бы в кои-то веки повидаться, – он бросил на внушку шутивно-подозрительный взгляд. – Может, оно и так. А, может, просто заманивают домой, чтобы треснуть по затылку и, наконец, заполучить наследство!

Мисс Оскотт скорчила гримасу фальшивой невинности, и все мы рассмеялись. Не желая далее злоупотреблять временем эрла, я пожелала им доброго вечера и вновь двинулась сквозь толпу гостей заведения Ренвика.

Поиски Джейкоба потребовали времени. Наконец преуспев в этом, я обнаружила его в дурном расположении духа, вызванном неустановленными выходками брата. Это несколько поумерило бурливший во мне энтузиазм: заговаривать о лорде Хилфорде и его экспедиции явно было не время. Покинув заведение Ренвика, мы отправились к себе – в фальчестерский дом Джейкоба. Чувствуя усталость, я приготовилась ко сну, но почти час пролежала в темноте, устремив взгляд в потолок и думая о Выштране.

Глава 5

Перспективная переписка – Неразумная просьба – Говорю начистоту – Бесплодное утро – Риск сойти с ума – Что скажут люди?

Судя по множеству писем, полученных нами на протяжении двух следующих месяцев, лорд Хилфорд был просто счастлив переписываться с моим мужем, рассказывая и о своей лекции, и обо всем на свете. Кое-что Джейкоб зачитывал мне вслух – чаще всего анекдоты из области естественной истории, но порой и едкие замечания о тяготах жизни в семейном кругу. Это вело к заключению, что эрл только рад поводу запереться от родственников на час-другой и занять мысли вопросами коллеги.

Я поощряла их знакомство всеми возможными способами, так как на следующее же утро после визита к Ренвику проснулась в плену одной-единственной мысли: Джейкоб должен присоединиться к экспедиции, и тогда я тоже смогу испытать все то же, что и они, хотя бы косвенно, при его посредстве.

По крайней мере, так я думала в то время.

Однажды вечером, за тихим семейным ужином, я обнаружила, что достигла цели.

– Изабелла, – заговорил Джейкоб во время основного блюда, – не будешь ли ты возражать, если я отправлюсь за границу?

Забыв о вилке в руке, я не уронила ее только чудом.

– За границу?

– Лорд Хилфорд планирует экспедицию... – остановившись на полуслове, Джейкоб пристально взглянул на меня поверх супницы с тушеной морковью. – Но ведь тебе ни к чему напоминать об этом, не так ли? Должен сказать, ты прекрасно все подстроила.

– Подстроила? – я совершила достойную попытку принять невинный вид. – Лорд Хилфорд планировал эту экспедицию задолго до нашего знакомства.

– Да, но не мое в ней участие. Признайся, Изабелла, ты подталкивала меня к нему и его выштранской эскападе с... С каких же времен? Определенно, с начала лета. Возможно, со времени визита к Ренвику?

– Ну, не со столь давних, – сказала я, чудом избежав обмана. Час бессонных раздумий после посещения Ренвика временем визита к Ренвику считаться уже не мог.

– Значит, вскоре после. Не могу сказать, что возражаю – Хилфорд быстро стал мне добрым другом. Однако ты могла бы быть откровеннее.

Глядя на мужа, сидевшего на противоположном конце стола, я ответила откровеннее, чем намеревалась:

– Разве ты стал бы слушать, выскажись я прямо? Скажи я с самого начала, что у меня на уме – тебе следует умышленно познакомиться и подружиться с пэром Ширландии с целью проникнуть в его зарубежную экспедицию?

Джейкоб нахмурился.

– Да, в таком виде все это выглядит крайне навязчиво.

– Именно. Это и было бы навязчивостью, имей ты подобные намерения – и потому ты ни за что не поступил бы так. Поэтому я подошла к делу тоньше.

Бровь мужа изогнулась, показывая, что моя логика его не убедила.

– Но это значит, что ты намеренно действовала в моих интересах.

Я невинно улыбнулась в ответ.

– Но разве не в этом обязанность жены?

Муж отложил вилку, откинулся на спинку стула и изумленно уставился на меня.

– Изабелла, твои поступки возмутительны.

– Возмутительны? Разве ты видел меня в опере в платьях со скандально низкими декольте, как у маркизы Присцинской? Разве ты видел, как я издаю сборники стихов, делая вид, что они не мои, как леди Ханна Спринг? Разве...

– Хватит! – со смехом оборвал меня Джейкоб. – Страшно представить, каких еще слухов ты могла набраться в обществе! Что ж, поскольку ты созналась, что это – дело твоих рук, думаю, ты не будешь возражать против моей поездки за границу с Хилфордом, – удрученно опустив голову, он вновь взялся за вилку. – Не удивился бы, если бы ты выставила меня за порог пинком.

– Рискаю повредить туфельку? – ответила я, подражая тону самой пустоголовой из светских красавиц.

Джейкоб улыбнулся. Некоторое время мы ели молча. Вошедший лакей убрал тарелки, а затем подал пудинг.

В кои-то веки пудинга мне не хотелось, и вязкое тесто, начиненное изюминами, улеглось в желудке тяжелым комком. Я нехотяковырнула пудинг, а Джейкоб на том конце стола с наслаждением поглощал свою порцию.

Стоило мне понять, что вдруг испортило мне настроение, слова слетели с языка прежде, чем я смогла удержаться:

– Я хочу поехать с тобой.

Джейкоб, только что отправивший в рот вилку с кусочком пудинга, замер, глядя на меня. Медленно вынув вилку изо рта, он отложил ее на тарелку, прожевал и проглотил пудинг.

– В Выштрану?

– Да.

Я пожалела о своей несдержанности. Если хоть какой-то шанс на успех и был, то заводить разговор следовало не так. Не стоило высказывать своих желаний столь прямолинейно.

Судя по выражению лица Джейкоба, я не ошиблась.

– Изабелла... Совершенно исключено, и ты прекрасно понимаешь это.

Да, я понимала. И все же...

– Прошу тебя, – сказала я. Слова эти прозвучали тихо, но я вложила в них всю душу. – Я бредила драконами с детства. Ты знаешь об этом, Джейкоб. И сидеть дома, сложа руки, когда другие отправляются к ним и увидят их собственными глазами...

– Изабелла...

– Я хочу сказать, настоящих – не карликов, а взрослых. Настоящих драконов, живущих на воле, а не сидящих на цепи в зверинце на потеху королевским фаворитам. Кому, как не тебе, знать, сколько я прочла о них, но слова – это ничто. Гравюры могут создать иллюзию реальности, но многие ли из гравюров сами видели изображаемый ими предмет? Возможно, это мой единственный шанс, Джейкоб.

Я остановилась и сглотнула. Казалось, стоит ослабить бдительность, и съеденный пудинг тут же вернется наружу.

– Изабелла... – голос Джейкоба звучал тихо, но настойчиво. Не в силах поднять на него взгляд, я уставилась в тарелку. – Я понимаю твой интерес и всячески его поддерживаю – поверь, это так! Но не могу же я взять в подобную заграничную поездку жену. Конечно, наш маршрут будет пролегать по цивилизованным местам, но в выштранских горах цивилизации нет. Я знаю, ты читала об этом. Представь себе, что прочитанное вдруг стало реальным. Выштранские крестьяне тяжело трудятся и едва могут прокормиться. Думаешь, у них найдется для нас комфортабельный отель? Или прислуга хоть сколько-нибудь лучше местных девушек, которых мы найдем в услужение, действительно знающая, как заботиться о людях, а не об овцах? Такая жизнь – отнюдь не удовольствие, Изабелла.

– Думаешь, меня это заботит? – я грохнула вилкой об стол, даже не задумываясь, как выглядит эта сцена со стороны. – Мне не нужна роскошь, Джейкоб, меня не нужно холить и лелеять. Я не боюсь ни грязи, ни сквозняков, ни даже необходимости самой стирать свою одежду. И твою, если нужно. Я могу быть полезной – разве в экспедиции не пригодится умение делать точные зарисовки? Подумай, я могу быть секретарем. Вести записи, держать в порядке твои бумаги, следить, чтобы вы с лордом Хилфордом ни в чем не нуждались, отправляясь на полевые наблюдения.

Джейкоб покачал головой.

– А ты в это время будешь сидеть в арендованном коттедже и удовольствуешься этим?

– Я вовсе не говорила, что удовольствуюсь.

– Так и случится. Не пройдет и двух недель, как я обнаружу тебя рядом, в мальчишеском платье, переодетой пастухом.

Щеки мои обожгло жаром. Возможно от гнева, возможно, от смущения, а, может, из-за того и другого разом.

– Это нечестно.

– Я просто мыслю практически, Изабелла. Однажды ты уже приняла самовольное решение – и пострадала. Не проси меня остаться безучастным зрителем и допустить, чтоб ты пострадала снова.

Я сделала медленный глубокий вдох, надеясь, что это поможет успокоиться. Но воздух словно застрял в горле. Глаза защипало. Нет, я не заплачу. Отчего мне плакать?

– Прошу тебя, – повторила я, понимая, что уже говорила это, но не в силах избежать повторений. – Прошу тебя... Возьми меня с собой.

За этими словами последовало молчание. Взгляд мой сам собой вновь уткнулся в тарелку, и я не сумела заставить себя поднять глаза, когда заговорила снова:

– Не оставляй меня здесь одну. Тебя не будет многие месяцы, а может, и целый год – и что же мне делать?

– У тебя есть подруги, – мягко ответил он. – Пригласи одну из них погостить у тебя. Или поезжай навестить семью – уверен, они будут рады, – негромкий звук; должно быть, смех. – Продолжай работу над искровичками, если это доставит тебе радость.

– Не доставит! Этого мало. Джейкоб, прошу тебя. Я не винила тебя за частое отсутствие, когда была в депрессии, но если ты уедешь так надолго, я буду чувствовать, что...

Слова застряли у меня в горле. Я не могла произнести этого, рассказать ему обо всей глубине страха и неуверенности, созданных перспективой его отсутствия в моем сердце.

Молчание затянулось, но я никак не могла сделать вдох. Наконец Джейкоб заговорил – ровным, едва ли не безжалостным тоном:

– Изабелла, я не возражал против твоих попыток залучить меня в мужа в Фальчестере. Я не возражал, когда ты свела нас с лордом Хилфордом. Но в данном случае я не позволю тебе манипулировать мной – тем более такими методами.

Все желание расплакаться разом исчезло, сметенное волной добела раскаленной ярости. Взгляд мой взметнулся вверх. Глядя в его глаза, я вскочила; опрокинутый стул покатился по ковру. Упершись ладонями в стол, я широко расставила ноги и заговорила, не заботясь о том, как громко звучит мой голос:

– Не смей! – выпалила я. – И думать не смей обвинять меня в том, будто я пользуюсь такими вещами, чтобы манипулировать тобой! Я высказала, что у меня на сердце, и более ничего. Ты хоть представляешь себе, каково это – вынести пережитую мной утрату? Возможно, ты не винишь меня в ней, но другие винят – ты можешь думать как угодно, но они судачат о том, что я оказалась тебе плохой женой. А что они скажут, когда ты уедешь? Что будем чувствовать мы сами, когда ты вернешься? Можешь ты обещать, что разлука не отдалит нас друг от друга? А пока тебя не будет, я буду сидеть здесь, пытаюсь занять себя пустопорожним свет-

ским притворством, бесконечными танцами, партиями в карты и прочими ни черта не значащими для меня вещами и зная, что единственная возможность увидеть настоящих драконов пришла и ушла, исчезла навсегда!

Слова иссякли. Тяжело дыша, я продолжала смотреть в побледневшее лицо Джейкоба. В глазах тревожно помутилось, но после этой тирады я не могла сказать ничего – ничего, что помогло бы хоть немного загладить выплеснутую на мужа злость. Леди просто-напросто не подобает говорить с мужем так.

Сказать мне было нечего, но и оставаться с ним в молчании я тоже не могла.

Резко развернувшись, едва не споткнувшись о перевернутый стул, я выбежала из комнаты прочь.

* * *

Джейкоб не стал догонять меня и не пришел ко мне в спальню тем вечером. (После выкидыша мы спали порознь, чтобы мой беспокойный сон не тревожил Джейкоба.) На следующее утро я поднялась в обычный час, но одевалась медленно: очень уж не хотелось спускаться вниз и попадаться на глаза мужу после вчерашней вспышки. Хуже того, я и сама не знала, что думаю о ней, и никак не могла понять, сожалею о своем поступке или нет.

Наконец сила воли победила трусость, и я спустилась вниз, но обнаружила, что Джейкоб велел оседлать коня и уехал. Когда он вернется, слуги сказать не могли, и это тоже вовсе не улучшало настроения.

Я села отвечать на письма, но мой почерк оказался просто отвратительным, что вполне отражало мои чувства, и вскоре я с отвращением бросила это занятие. Погода была прекрасной, и я отправилась в сад, но он, как я уже говорила, был совсем крохотным – не из тех, что могли бы занять меня надолго. Наконец я пошла в сарайчик, где держала искровичков и свои записи, хоть и была не слишком расположена работать.

Войдя, я опустила на табурет и устремила невидящий взгляд к стройным рядам пропитанных укусом искровичков. Каждый стоял на карточке, заполненной аккуратнейшим почерком, с указанием даты и места поимки, длины, размаха крыльев и веса. Они были расставлены по категориям, основанным на моих исследованиях, и сгруппированы согласно подвидам, которые я начала распознавать. Один из них плавал в стоявшей на рабочем столе банке с укусом, ожидая препарирования. Я взяла хирургический скальпель, которым пользовалась для этого, но тут же положила его на место.

Такое времяпровождение вряд ли приличествовало даме... Однако это было ближе всего к тому, чем я на самом деле хотела бы заниматься. Детское увлечение, на долгие годы похороненное после происшествия с волкодраком, дало всходы во время экскурсии в зверинце, а теперь на этих всходах распустились цветы. Мне хотелось не только увидеть, но и исследовать драконов. Хотелось расправить крылья разума и посмотреть, как далеко я смогу улететь.

Хотелось, говоря коротко, вести интеллектуальную жизнь джентльмена – или хотя бы приблизиться к этому, насколько возможно.

Осторожно, несмотря на полный упадок духа, я взяла искровичка и принялась разглядывать совершенство узора крохотных чешуек, изящные крылья и голову с шипастыми гребнями – миниатюрными, но оттого не менее хищно выглядящими. Внешне искровички несколько отличались от драконов, но умели выпускать облачка бесконечно маленьких искр – первопричины их названия и, как я полагала, средства привлечения брачных партнеров, подобного мерцанию светлячка.

От этой мысли мне сделалось еще хуже. Поставив искровичка на место, я повернулась к книге, оставленной мной на столе. Книга была раскрыта на диаграмме, изображавшей анато-

мическое строение виверны, которая, по моим соображениям, вполне могла состоять с искровичками в родстве. Если это действительно так, то искровички – отнюдь не насекомые...

На страницу, затмив рисунок, упала тень.

Это мог быть и слуга, но я поняла, что это не так, еще до того, как молчание затянулось настолько, что слуга давно объявил бы, с каким делом явился. Я узнала шаги мужа.

– Я подумал, что застану тебя здесь, – сказал Джейкоб, немного помолчав.

– Еще немного – и не застал бы, – ответила я, с удовольствием отметив, что голос звучит ровно, несмотря на смятение в душе. – Я собиралась вернуться в дом и еще раз попробовать ответить на письма.

Услышав, как Джейкоб прошелся по сарайчику, я решила, что он изучает мои полки.

– Я и не думал, что ты собрала их так много.

Ответа, не прозвучавшего бы враждебно, мне в голову не пришло, и я промолчала. Наверное, Джейкоб надеялся, что я поддержу нейтральную беседу и тем помогу ему плавно перейти к разговору, которого было не избежать. Но я молчала, и он тяжело вздохнул.

– Прости меня за сказанное вчера вечером, – печально сказал он. – За подозрения, будто ты... пользуешься нашей утратой, чтобы добиться желаемого. Я не должен был так говорить.

– Верно, не должен, – слова прозвучали жестче, чем мне хотелось. Я, в свою очередь, тяжело вздохнула. – Но я прощаю тебя. Ведь я действительно манипулировала тобой прежде.

Муж шагнул ко мне и осторожно, чтобы ничего не потревожить, оперся на край стола. Он молча смотрел на меня, но, встретившись с ним взглядом, я не смогла понять, что таится в его глазах.

– Скажи честно, – начал он. – Если я отправлюсь в Выштрану без тебя – а это, вместе с дорогой, займет более полугода... Что ты будешь делать все это время?

Сойду с ума и встречу тебя в смиренной рубашке... Но этого я не сказала бы ни за что. Этот ответ, пусть и правдивый, был не из тех, каких он заслуживал.

– Вероятнее всего, – поразмыслив, заговорила я, – навещу родных – по крайней мере, для начала. Лучше пожить в провинции, чем среди бесконечных пустых дрязг общества. Здесь мне придется выносить слишком много сплетен и фальшивого сочувствия – боюсь, я не выдержу, ударю кого-нибудь и действительно выставлю себя на посмешище.

Уголок рта Джейкоба дрогнул.

– А потом?

– Честно? Не знаю. Возможно, поеду на побережье, или посмотрю, сумею ли убедить тебя оплатить мне турне куда-нибудь за границу. Если я поеду на воды для укрепления здоровья, это не вызовет удивления. Однако мне все равно будет нечем занять себя – я просто увезу свою скуку подальше от глаз общества.

– Тебе действительно так скучно?

Я взглянула ему в глаза.

– Ты и не представляешь, насколько. Когда мужчин навещают друзья, им, по крайней мере, позволительно обсуждать нечто большее, чем моды да очередные глупые романы. Беседовать с дамами о последних лекциях в Коллоквиуме Натурфилософов я не могу, а мужчины не примут меня в свой разговор. Ты позволяешь мне читать, что пожелаю, и это не дает мне повредиться в уме. Но провести целый год в окружении одних лишь книг я не смогу.

Обдумав все это, Джейкоб кивнул.

– Что ж, хорошо. Я выслушал твою точку зрения. Выслушаешь ли ты мою?

– Конечно. Это ведь только справедливо.

Оглядывая полки со стройными рядами искровичков, Джейкоб заговорил:

– Если ты отправишься в Выштрану с нашей экспедицией, тебя сочтут чудачкой, а меня – сущим монстром. Мне нет дела до тех, кто скажет, что я не должен потакать жене – я не

привык держать тебя на привязи. Но скажут и другое. Возникнет вопрос: что я за джентльмен, если подвергаю жену таким невзгодам и лишениям?

– Даже если жена вызвалась сама?

– В это вникать никто не будет. Мой долг – беречь и защищать тебя. А предприятия такого сорта вовсе не безопасны.

Отметив, что я опять грызу ногти, я сложила руки на коленях. От этой привычки я безуспешно пытаюсь избавиться всю жизнь.

– Тогда, полагаю, вопрос в том, насколько тебя тревожит подобная критика.

– Нет.

Я вновь подняла взгляд. Едва заметная усмешка на лице Джейкоба сменилась печальной улыбкой.

– Вопрос, – сказал он, – в том, настолько ли важна эта тревога, чтобы из-за нее гарантированно сделать собственную жену несчастной.

Едва осмеливаясь дышать, я ждала продолжения. Что бы ни последовало дальше, я точно знала одно: я сама не понимала, как повезло мне в тот день, когда Эндрю пригласил меня с собой в королевский зверинец. Многим ли из джентльменов хоть раз приходило в голову высказать такое?

Не сводя с меня карих глаз, Джейкоб покачал головой. Сердце мое замерло, но я пыталась не показывать этого.

– Я величайший безумец во всей Ширландии, – сказал он, – но я не в силах отказать тебе. Особенно когда ты так смотришь.

Я была настолько уверена, что мое дело проиграно, что не сразу поняла смысл его слов.

– То есть...

Джейкоб предостерегающе поднял ладонь.

– То есть, я напишу о тебе Хилфорду. Организатор экспедиции – он; я не могу включать в нее кого-либо по собственному капризу. Однако, Изабелла, – да, я хотел сказать, что как минимум не буду тебе препятствовать. При одном условии...

Ему пришлось умолкнуть на полуслове: вскочив на ноги, я обняла его изо всех сил.

– При условии, – продолжал Джейкоб, когда мои объятия разжались настолько, что он смог вдохнуть, – что ты обещаешь воздержаться от безумных выходок. Никаких столкновений с голодными волкодраками. Ничего такого, что заставило бы меня пожалеть о сказанном сегодня.

– Обещаю стараться не подвергать себя опасности.

– Это знаешь ли, не вполне то же самое... – начал он.

Мой поцелуй преградил путь любым другим возможным возражениям.

Глава 6

Визит лорда Хилфорда – Обет отречения от куриных мозгов – Подготовка к отбытию

Верный своему слову, Джейкоб написал лорду Хилфорду в тот же день. Так началась неделя тревожного ожидания. Я без конца вспоминала каждый миг общения с эрлом. Пожалуй, он не возражал против общения с внучкой, Натали, обладавшей некоторой сумасшедшинкой, и даже ценил его; быть может, это сулило неплохой шанс и мне? Но я не принадлежала к его семье... Так мысли мои и текли по кругу, раз за разом вытаскивая на поверхность каждый фактор, каждую унцию информации, способной повлиять на его решение.

Наконец ответ был получен. Эрл извещал, что нанесет нам визит через неделю, по пути в Фальчестер. Я не знала, что и думать. Джейкоб дал мне прочесть письмо, и я тщательно взвесила каждое слово, но о необычной просьбе Джейкоба в письме не было сказано ничего. Настроен ли он благосклонно? Или наоборот? Может, он вовсе не получал нашего письма? Последнее соображение приводило меня в ужас – ведь выйдет так неловко, если мы заведем этот разговор без предупреждения!

Так или иначе, он вскоре должен был посетить нас, и к этому следовало подготовиться. Я убедилась, что дом готов к приему гостя, и посвятила домашним делам куда больше времени и сил, чем обычно. (Боюсь, мое вмешательство довело прислугу до помрачения рассудка.) Я тщательно выбрала платье, которое надену, когда придет время, и постоянно напоминала себе, что должна вести себя наилучшим образом.

Я изо всех сил старалась не строить планов на случай, если он скажет «нет». Этот путь вел к замыслам такого сорта, что муж поседел бы от ужаса.

Лорд Хилфорд прибыл в комфортабельной карете, запряженной роскошной парой серых рысаков. Едва он вошел в дом, я похвалила лошадей, используя их как удобный повод для светской беседы, пока мы были на людях. Это помогло скрыть нервозность.

– Думаю, вы хотите видеть моего мужа? – спросила я, когда лорд отдал лакею перчатки и шляпу.

– Хм-м-м, – протянул эрл. – Пожалуй, лучше поговорить с вами обоими.

При этих словах сердце мое дрогнуло и пропустило удар.

– Прошу вас, пройдите в гостиную, присядьте, – сказала я, указывая путь, точно гость каким-то непостижимым образом мог бы заблудиться в нашей крохотной передней. – Джейкоб сейчас спустится. Не хотите ли чаю?

К счастью, муж не заставил себя ждать, иначе я умерла бы от страха и волнения. Он приветствовал лорда Хилфорда, и, как только все мы сели за чай с печеньем, эрл перешел прямо к делу.

– Я получил ваше письмо, Кэмхерст, – сказал он Джейкобу, – и перечел его дважды, а то и трижды. Вы должны понимать, как я был удивлен. Наконец я решил, что единственный разумный способ уладить недоразумение, это навестить вас и побеседовать лично – и с вами, и с вашей супругой. Вы не возражаете?

Джейкоб ответил, что ни в коей мере не возражает, и я поняла: лорд Хилфорд просит позволения расспросить меня прямо. Он устремил на меня пронзительный взгляд, и я невольно выпрямилась и расправила плечи.

– Миссис Кэмхерст, – начал он. Казалось, его глубокому низкому голосу тесно в нашей маленькой гостиной. – Позвольте убедиться, что я понимаю все верно. Вы желаете сопровождать нас в Выштрану с тем, чтобы держать в порядке записи мужа – а, может, и мои; здесь в

письме некоторая неясность – обеспечить нам точные зарисовки и оказывать прочую посильную помощь в исследованиях и в повседневной жизни?

Я ожидала этого вопроса и потому не дрогнула даже под его сверлящим взглядом.

– Да, милорд.

– Ваш супруг – парень достаточно разумный. Вообразить не могу, будто он не озаботился описать вам все тяготы и лишения, которые нам предстоит пережить.

– Они прекрасно известны мне, милорд. Как из рассказов мужа, так и по книгам.

Он глотнул чаю, на миг – возможно, намеренно – спрятав от меня часть лица, и я не сумела понять, что думает он о моем утверждении.

– Как я понимаю, вы – дама весьма начитанная.

– Насколько возможно.

– Хм-м-м. Позже мне еще хотелось бы испытать ваш мозг на сей предмет. Вернемся к главному. Предстоящие трудности, очевидно, известны вам во всех деталях, но, несмотря на это, вы хотите принять участие в экспедиции?

Здесь не было места для разглагольствований, для светских любезностей, которые могли бы сгладить остроту моего желания.

– Да, – вот и все, что я смогла ответить.

Несколько мгновений эрл испытующе взирал на меня. Я подавила желание потянуться к чашке и спрятаться за ней от его взгляда.

– Что ж, – резко сказал лорд Хилфорд, обращаясь к Джейкобу, – думаю, все вполне ясно. Либо у нее куриные мозги и вы не сумели как следует объяснить ей ситуацию – и в этом случае она целиком и полностью станет вашей проблемой, а я умываю руки, – либо она точно знает, во что ввязывается. В самом крайнем случае она сможет послужить фактором культурного влияния. А может, даже сумеет оказаться полезной – и в этом случае я ничуть не пожалею, что взял ее с собой, и воспользуюсь предложением содержать в порядке мои записи. Обычно я просто запикиваю их в ящик и после трачу чертову уйму времени, когда требуется что-то найти.

Я не сходя с места поклялась не давать ни малейшего повода заподозрить во мне куриные мозги – отныне и до конца времен.

– Вы... Вы уверены? – запинаясь, проговорил Джейкоб, глядя то на меня, то на лорда Хилфорда.

– Не нужно сомневаться во мне, Кэмхерст, если не хотите, чтобы я пересмотрел свое решение. Убедитесь, что она знает все, что нужно, до того, как мы окажемся в Выштроне – много будет проку от ее ведения записей, если она не сможет отличить только что вылупившегося детеныша от ящерицы, – лорд Хилфорд подмигнул мне – так быстро, что это могло мне показаться. – Но я не думаю, что с этим возникнут затруднения.

Мы кинулись благодарить его, но он лишь отмахнулся.

– Мои планы все равно перевернуты с ног на голову – что мне еще одно изменение?

– О чем вы? – спросил Джейкоб.

Доброе расположение духа эрла несколько омрачилось.

– Политика, – раздраженно буркнул он. – Царь Бульскево снова решил, что не любит ширландцев. И это нешуточная проблема, поскольку мы зависим от их поставок железа... но речь не об этом. Дело в том, что боярин Живьяка – той местности, где я поймал карлика-альбиноса – придворный подхалим и лизоблюд и не сделает ничего такого, что может навлечь на него хмурый взгляд царя. Поэтому мне отказано в позволении вернуться в Живьяк на будущий год.

– О, нет! – удрученно воскликнула я. – Значит, экспедицию придется отложить?

– И ждать, пока царь не полюбит нас вновь? Он передумает, не успеем мы сделать и полпути до Выштраны! Чертовски темпераментен – прошу прощения, миссис Кэмхерст... – лорд Хилфорд махнул рукой, показывая, что с царем покончено. – Нет, я подыскал новое место.

Можно сказать, повезло. Мой чиаворский коллега помог мне списаться с одним выштранцем по имени Индрик Грителькин, закончившим университет в Тринк-Лиранце. Грителькин приглашает нас в свою деревню.

– А местный боярин не станет возражать? – спросил Джейкоб.

Лорд Хилфорд покачал головой.

– Не все они отрекаются от связей с иностранцами всякий раз, как царь встанет не с той ноги. К тому же, Грителькин – «ражеш», нечто вроде боярского наместника. Он все уладит. Но об этом у нас еще будет время поговорить. Дело к вечеру; надо бы мне подыскать отель...

Мы принялись упрашивать эрла остановиться у нас, и он поддался на уговоры. Я вызвала слуг, чтобы помочь ему устроиться в комнате для гостей, и приказала кухарке готовить ужин на троих.

С тех пор, на протяжении месяцев, ушедших на подготовку к выштранской экспедиции, Максвелл Оскотт отужинал у нас еще раз десять. Ужинал ли он в нашем доме, или мы у него – за столом говорили только об экспедиции, и эрл наилучшим образом сдержал обещание (или же исполнил угрозу) испытать мой мозг на предмет начитанности. Поначалу я старалась не вдаваться в подробности и приглушить свой энтузиазм до приемлемого уровня, но лорд обладал настоящим даром вызывать людей на разговор, и, честно говоря – как уже могли заметить самые проницательные из читателей, – я никогда не могла упустить возможность обсудить свою страсть. О несчастном случае с волкодраком мне успешно удалось умолчать, но еще до конца того, первого вечера лорд Хилфорд узнал и о моем детском интересе к труду сэра Ричарда Эджуорта, и о последних достижениях в Великом Исследовании Искровичков. Он одобрительно высказался о моих анатомических зарисовках и очень увлекся моей идеей о том, что искровички – не насекомые, а дальние родственники виверн. Об этом мы с великим энтузиазмом спорили все следующие месяцы.

Однако с Томасом Уикером, ассистентом и протеже лорда Хилфорда, мы неладили. Сказать правду, мы, скорее, прониклись друг к другу презрением. Мистер Уикер изо всех сил, но с невеликим успехом, старался избавиться от ниддийского акцента: он был сыном каменотеса, снабжавшего лорда Хилфорда окаменелыми останками неизвестных животных, и я сочла его снобом, стремящимся примазаться к человеку, способному помочь ему проникнуть в высшее общество. Он, со своей стороны, был невысокого мнения о моих скудных познаниях и, очевидно, воздерживался от жалоб только из уважения к решению своего покровителя.

К счастью, с ним мы встречались редко, так как наши сферы предэкспедиционной деятельности были совершенно разными. Мистер Уикер и лорд Хилфорд взяли на себя планирование экспедиции, организацию путешествия, найм жилья, закупку научного оборудования и получение разрешений от различных иностранных чиновников. На меня была возложена обязанность сдать в аренду наш пастеруэйский дом, определить на постой лошадей и снабдить рекомендациями ту часть прислуги, которой предстоял расчет. Джейкобу выпала задача весьма отрезвляющего свойства: он приводил в порядок дела, что подразумевало и встречу со стряпчим, дабы составить завешание. К несчастью, опасности, с которыми нам позже довелось столкнуться в экспедиции, оказались вполне реальными.

Но пока что, до отбытия из Ширландии, самым неприятным были светские сплетни.

Прежде, чем о нашем отъезде узнали все, у нас с Джейкобом состоялся серьезный разговор о том, какой реакции на нашу эскападу стоит ждать от знакомых и незнакомцев.

– Меня не слишком заботит, что скажут люди, – призналась я однажды, под конец фруктиса, гуляя с мужем в саду. – У меня появился шанс отправиться за границу и увидеть драконов. Не думаю, что на свете есть слова, способные лишить меня радости от этого.

Джейкоб вздохнул.

– Изабелла, дорогая... Не сомневаюсь: сейчас, в предвкушении встречи с драконами, ты так и думаешь. Но не забывай: по завершении экспедиции мы вернемся в Ширландию.

Допустим, сейчас ты отмахнешься от дам из общества, но позже тебе придется столкнуться с ними снова.

– Возможно, мне удастся на страх всем сплетницам привезти домой дракона. Нет, совсем маленького, ничего экстравагантного – ведь лорду Хилфорду уже доводилось ловить их.

– Изабелла...

Я рассмеялась и закурилась посреди дорожки, раскинув руки навстречу солнцу.

– Конечно же, я шучу, дорогой. Где нам держать дракона? В моем сарайчике с искровичками? Он же там все переломает и уничтожит все плоды моих трудов.

Джейкоб невольно расхохотался.

– Ты – все равно, что маленькая девочка, услышавшая, что ей купят пони.

– Пони! – я презрительно фыркнула. – Разве пони умеют летать и дышать мелкими льдинками на тех, кто досаждают им? Вряд ли. Подумаешь, пони!

– Наверное, стоит сказать светским сплетницам, что ты повредила умом, и я ради твоей же безопасности отправил тебя в санаторий, – задумчиво проговорил Джейкоб. – Они наверняка поверят.

– Скажи им, что я повредила умом, умерла, сбежала в Чиавору, чтоб стать танцовщицей – мне все равно.

Джейкоб остановился, чтобы поправить позднюю розу, согнутую мной в восторженном танце.

– Мы не так уж давно женаты. Быть может, можно сослаться на то, что я до сих пор слишком привязан к тебе и не смогу вынести разлуки, – он поразмыслил над этим, вертя в пальцах отвалившийся от стебля цветок. – Это будет не так уж далеко от истины.

Я вернулась к нему и поцеловала его в щеку.

– Нет, есть идея получше. Я скажу, что не отпущу тебя одного, сомневаясь в твоей супружеской верности вдали от дома.

– Но кем я там мог бы увлечься? В Выштране острая нехватка чиаворских танцовщиц.

– Тогда скажем, что я буду оказывать на вас культурное влияние. О рисунках и прочем можно не упоминать. Скажем так: выштранские крестьянки не только щербаты, рябы и немыты, но и понятия не имеют, как обеспечить джентльмену привычный ему комфорт. Я еду с вами присматривать, чтобы они чистили вам туфли и не заваривали вместо чая табак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.